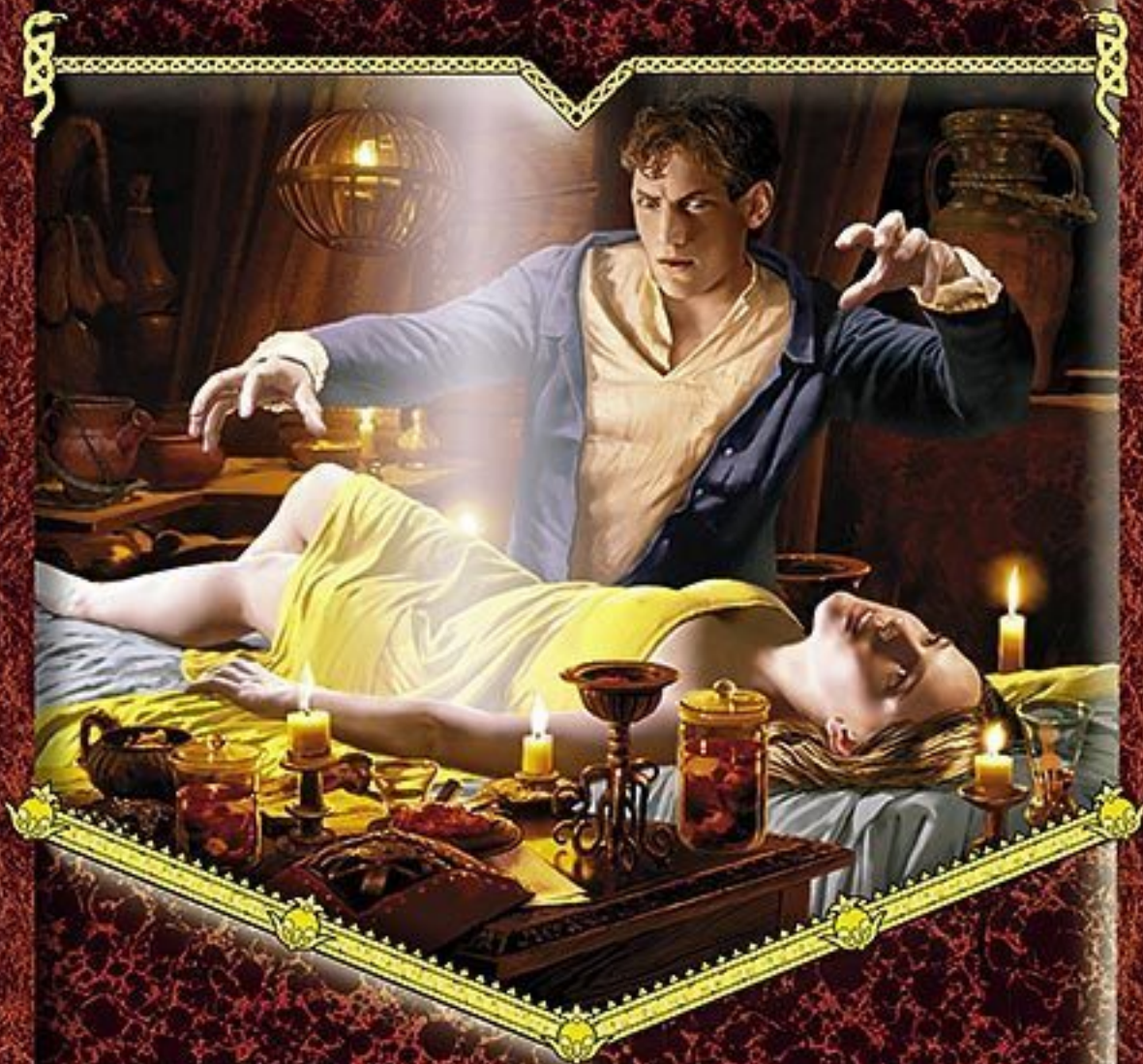

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

ЛЕКАРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Истринский цикл

Евгений Щепетнов

Лекарь

«Щепетнов Евгений»

2012

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Щепетнов Е. В.

Лекарь / Е. В. Щепетнов — «Щепетнов Евгений»,
2012 — (Истринский цикл)

ISBN 978-5-9922-1283-9

Это мир волшебства, магии, рыцарей и рабовладельцев... Как он выживет в этом мире – наш земной человек, волей случая попавший в параллельный мир? Он убивает так же легко, как и лечит. Его боготворят красивые женщины и боятся враги. Он находит общий язык с магами и драконами. Кто он? Лекарь! Главы с 17 по 20 печатаются в авторской редакции.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1283-9

© Щепетнов Е. В., 2012
© Щепетнов Евгений, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Евгений Щепетнов

Лекарь

Глава 1

Щека Владимира ощущала шероховатую колючую поверхность. Он не мог определить, что это... Его глаза стали медленно открываться, муть в них постепенно проходила и... взгляд уткнулся в темный потолок над головой. Доски потолка, почему-то не покрытого известкой или какой-то краской, были темны, как бы закопчены. Владимир стал мучительно вспоминать – где он, что с ним?

Он шел из спортзала к машине, которую припарковал у банка напротив, через дорогу. Как обычно, поставить машину было негде – какие-то уроды заставили все парковочные места своими грязными авто, заляпанными смесью песка и снега, и ему нашлось место только на вершине сугроба, образованного той же смесью песка, грязи и снега. Он с мстительной радостью загнал туда свою «Ниву», в который раз с удовольствием констатируя, что в нашей жизни вездеход не роскошь...

Занятия прошли как обычно. Он начал с тренажера, прокачав грудные мышцы, перешел на отжимание штанги, потом на другой снаряд, третий... и через два часа, выпив поллитровую бутылочку противной негазированной воды (в который раз он обругал себя, что забыл купить в магазинчике литровую бутылку газировки – тут, в буфете спортзала, все было в два раза дороже), вышел на улицу.

Владимир стал ходить в спортзал после того, как почувствовал, что стал сильно набирать вес. Ему только что исполнилось пятьдесят лет... грустная дата. Как пел один бард¹ в песне про тридцать лет: «А потом начинаешь спускаться, каждый шаг остороженько взвеса: пятьдесят – это так же, как в двадцать, ну а в семьдесят – так же, как в десять...»

Так что Владимиру, судя по этим словам, было сейчас двадцать лет.

Он был атлетического сложения – сказала спортивная молодость: занятия рукопашным боем, дзюдо, штангой. Отец в юности увлек его упражнениями с гирями. Увы, самостоятельные занятия тяжелой атлетикой плохо сказались на его фигуре. Никто не подсказал ему, что, когда поднимаешь железо, необходимо стягивать живот ремнем, чтобы не растянуть брюшные мышцы, так что живот с годами покрылся слоем благоприобретенного жира – пиво, вкусные копчености, – и это его сильно раздражало.

Отвратительно. И силы хватало, и реакция у него была молниеносная, как у двадцатилетнего, но зеркало, это мерзкое изобретение цивилизации, демонстрировало ему седого бородастого мужика, слегка смахивающего на Николая II, только у того седины не было... А может, была? Может, и была, но уж точно не такая. Император не прошел через лихие девяностые, не был под следствием по навету, не выживал, вытаскивая свою семью из нищеты. Владимир не любил вспоминать об этом времени, тогда ему пришлось испытать все – от состоятельной жизни до полной нищеты. При мысли об этом у него щемило сердце. Теперь дети были взрослые, более-менее устроенные, жена не работала – содержала хозяйство, их небольшой загородный домик, а у него самого был небольшой стабильный доход от мелкого бизнеса.

Володя опять пошевелил головой, насколько позволила шея, глаза окончательно сфокусировались, он осмотрел помещение. Большая комната была темна, и лишь отблески огня металлись по бревенчатым стенам, выскакивая лучами из щелей и дырочек в печи. Печи? Какой, к черту, печи – наконец-то дошла до него абсурдность происходящего: откуда печь в городе? Как

¹ Юрий Кукин «Тридцать лет».

он оказался в этом сарае? Он попытался сесть, но руки и ноги не слушались. После небольшого усилия его накрыла волна тошноты, и он провалился во тьму...

Следующее пробуждение было уже полегче, глаза открылись сразу, а нос почувствовал запах какого-то варева. На его груди стояла глубокая, похоже, деревянная чашка, а к губам была приставлена такая же деревянная, наполненная чем-то вроде бульона, которая настойчиво пыталась пропихнуться через его сомкнутые челюсти.

– Пей! Пей, а то сдохнешь!

Он скосил глаза и увидел женское лицо. Волосы, обтягивающие маслянистой блестящей волной голову небольшой пожилой женщины, были собраны в гладкий хвост. Владимир подумал: «Как бабушка. Она тоже все мазала волосы маслом... Что за дурацкая привычка мазать волосы маслом! Вот откуда взялась в русских сказках присказка «маслена головушка». Эта дурацкая мысль не помешала ему раскрыть рот, и в него пролилась теплая пахучая струя варева. Чтобы не захлебнуться, он жадно сглотнул... Затем еще, еще... Владимир боялся поперхнуться, но ему вдруг очень захотелось есть, и неожиданно для себя он поднял руку – что далось ему уже легче – и подтянул чашку к губам, но... едва не захлебнулся бульоном, залив себе глаза и лицо, и тотчас закашлялся.

– Ну что ты как ребенок, – сердито прикрикнула женщина, – ну вот все пролил, теперь мокрый будешь лежать!

Она вытерла ему лицо тряпочкой... И у него из глаз вдруг полились слезы – чувство собственной беспомощности, слабости было сродни ощущениям младенца – ему вдруг показалась такой родной и близкой эта незнакомая женщина, как будто он увидел свою давно умершую мать... Руки незнакомки были теплые, шершавые, и от них веяло силой, добротой и какой-то уверенностью... В животе его приживался крепкий бульон, распространяя по телу усталость и сон. Владимир снова уснул.

Следующее пробуждение было активнее. Кто-то тряс его за плечо, не обращая внимания на то, что он пытался спрятаться в спасительной темноте. Когда спишь, не так все страшно и странно, вроде как ничего и не случилось.

Реальность опять поставила Владимира перед фактом: он неизвестно где, бессильный, слабый фактически, почти что умирающий. Он попытался что-то сказать нависшей над ним женщине, но из горла вырвался какой-то клекот, хрип. Женщина приказала ему молчать, поставила на грудь чашку с пахучим бульоном и стала, макая в нее хлеб, совать ему в рот пропитанные варевом кусочки. Хлеб был размокший, пах одуряющее вкусно, и Владимир, давясь, начал его глотать, пока женщина не заявила:

– Все, хватит на сегодня, а то плохо будет.

Он опять расслабился, только теперь не сразу уснул, а стал следить взглядом за перемещающейся по комнате незнакомкой, прислушиваясь к ощущениям тяжести в животе. Тошнота, видимо, отступила, тело настойчиво требовало пищи. Владимир стал вычислять, куда же он попал? Как оказался в деревне?

Он вышел из спортзала, налетел порыв сильного ветра, поднявший снежную пыль и ударивший в глаза мельчайшими ледышками. Ветер задувал через полы не до конца застегнутой куртки, пробирал до костей – Владимир ощутил озноб.

Потом он уселся на водительское сиденье, воткнул ключ в замок зажигания, повернул – машина затарахтела стартером, завелась, заглохла. Он поморщился и снова повернул ключ. Наконец «Нива» завелась и неровно заработала своим усталым двигателем, прошедшим огни и воды. Владимир собрался сдать назад, включив заднюю скорость, потом передумал и достал из кармана сотовый телефон (он оставлял его там, занимаясь в спортзале), чтобы проверить пропущенные звонки или sms.

В этот момент вдруг раздался сильный хлесткий звук, как будто кто-то ударил по крыше машины железной цепью. Лобовое стекло треснуло, покрывшись сеткой, двигатель сразу

заглох, а в салоне что-то заискрило и запахло озоном. Не понимая, что произошло, Владимир выругался, ошеломленный, собрался было открыть дверь, чтоб вывалиться из кабины, но тут внезапно заметил перед лицом сияющий шарик, с мандарин размером, который парил перед ним и медленно колебался из стороны в сторону в причудливом ритме, подчиняясь какому-то неизвестному источнику.

Владимир осторожно убрал голову подальше от шарика. «О черт, неужели шаровая молния? Участь Рихмана что-то мне никак не катит... пожить бы еще», – подумал он и стал осторожно отодвигаться от опасного объекта в сторону, намереваясь пролезть на заднее сиденье. Шарик как будто на невидимой ниточке потянулся за ним, все приближаясь и приближаясь... Владимир зашевелился быстрее, шарик тоже ускорился... «А-а-а! Сволочь, отстань!» Шарик приблизился к его лицу и с шумом соприкоснулся с головой. Вспышка, грохот, тело свело судорогой, закрутило, и сознание покинуло Владимира.

Следующий раз Владимир очнулся уже на лежанке в бревенчатом доме.... Он стал размышлять: что же это было, что упало на машину? Вспомнил, что «Нива» стояла под столбом электросети. Может, провод свалился, оборвался? Скорее всего. Еще когда он шел в спортзал, обратил внимание, что провода облеплены льдом после прошедшего дождя. Отвратительно, на улице мороз три градуса, а идет дождь – дорога сразу превращается в каток, провода провисают, покрытые льдом, деревья сгибаются под тяжестью замерзшей воды, ломаются с треском ветки, троллейбусы двигаются осторожно, выбрасывая снопы искр из-под контактов, как будто работает гигантская электросварка. Такое за свою жизнь Владимир наблюдал не менее трех раз – природные аномалии подобного рода были нечасты, но и не так уж феноменальны – природа есть природа, сюрпризов у нее предостаточно.

Вот только такой подарок, как падение оборванного электропровода на его машину, был ему абсолютно не нужен. Владимир любил свою «проходимку», на которой он форсировал реки, после чего вода плескалась в фарах, и удалить ее оттуда становилось проблемой, пролазил по такой грязи, в которой пешеход бы увяз и оставил там свои сапоги навечно... и вот теперь какой-то мерзкий провод раздолбал ее. И денег на ремонт нет... Он опомнился – каких денег? Тут бы еще понять – где он вообще-то находится? *Что* с ним? «Ладно, – успокоился он, – надо немного укрепиться, и там все выяснится».

У него опять защемило сердце – близкие будут переживать, куда он делся. Что бы с ним ни случилось, он всегда возвращался домой. Пьяный ли, грязный, больной или раненый – всегда приползал домой. Дом – это свято. И вот теперь... Глаза его закрылись, мозг не выдержал перегрузки, Владимир провалился во тьму.

Так продолжалось, по его подсчетам, не меньше недели – женщина кормила его из рук, вкладывая в рот размоченные в бульоне кусочки хлеба и заливая из ложки отвар, вскоре сменившийся некой кашей из растолченного мяса пополам с жидкостью. Вскоре его организм укрепился настолько, что стал шевелиться, а потом взбунтовался и его потянуло на... хм... В общем, женщина отвела Владимира к заведению во дворе, так как воспользоваться кадкой (такие он видел только в киносказках Роу) он не рискнул.

В заведении Владимир огляделся в поисках туалетной бумаги или хотя бы газетки (чтоб заодно узнать, где он), но, не обнаружив ничего, кроме большого сосуда вроде кумгана, усмехнулся: «Татары, что ли? Ну или восток...»

Пошатываясь и дрожа от слабости, он вышел обратно на улицу и осмотрелся. Вокруг стоял мачтовый сосновый лес, похожий на тот, что он видел на картинах Шишкина. Бревенчатый дом находился на большой поляне, а за ним раскинулся какой-то огород, на котором росло непонятно что – разглядеть подробности было невозможно. Зимой и не пахло, а вот хвоей... Запах лесных трав и раздавленной клубники буквальношибанул в нос...

Владимир сделал несколько шагов по направлению к дому и женщине, стоявшей к нему спиной. При дневном свете он рассмотрел ее, насколько мог: невысокая, крепкая, голова заты-

нута простым коричневым платком, на теле что-то вроде сарафана, на плечах шаль – было немного прохладно и сыро, видимо, ночью прошел дождь.

Она обернулась на шорох, и на ее жестком, покрытом морщинами лице возникла полуулыбка.

– Ну что, оклемался? Я думала, не жилец. Ну, пошли в дом... обопрись на меня, а то шандарахнешься и испачкаешь мне мозгами крыльцо, а я его только что вымыла.

Они побрели в дом. Владимир с трудом преодолел ступеньки крыльца, наконец забрался в комнату и, кашляя и задыхаясь, свалился на топчан. Руки и ноги предательски дрожали, а в глазах плавали радужные круги.

«Да, Вова, – подумал он, – задохлик ты стал еще тот. Надо как-то выкарабкаться – не вечно же тут валяться... А где тут-то? Где я? Надо с женщиной поговорить». Он собрался с силами, со скрипом и хрустом в суставах приподнялся и спустил ноги с топчана, стараясь удержать равновесие.

Женщина возилась у печи, чем-то булькая, что-то куда-то переливая, потом обернулась и направилась к нему с чашкой. Судя по пару, в ней плескалось очень горячее варево. Она пододвинула ногой к топчану табуретку и поставила деревянную посудину на нее, погрозив Владимиру пальцем:

– Не хватай, горячо! Пусть остынет. Сейчас ложку и хлеба принесу.

Владимир в очередной раз подсознательно отметил: что-то в ее речи неправильно – то ли акцент какой-то, то ли слова как-то непривычно ставит, ну как бы слышишь речь мордвина – говорит по-русски правильно, но либо в ударениях, либо в произношении что-то не так... Это легко уловить на слух, особенно когда за свои пятьдесят лет наслушаешься любых акцентов и говоров. С опытом легко начинаешь сразу определять, откуда человек – а тут непонятно. Да и обстановка странная...

Женщина подошла к нему, сделала легкое движение рукой, как будто подкинула что-то – у потолка загорелся шарик вроде электрической лампочки. Владимир вздрогнул и вытаращил глаза, ошеломленный увиденным. Хозяйка дома в свою очередь удивленно воззрилась на него:

– Ты чего, светлячка не видал ни разу? Чего так напугался?

– Не видал... у нас так не умеют. – Он посмотрел на женщину и с волнением спросил: – Я вообще где? Это что за местность, как я сюда попал? Вы кто? Как мне попасть в город? Мне надо связаться с семьей, они волнуются, потеряли меня, наверное. Что это за глушь? Я ведь в городе был, когда потерял сознание.

– Сколько вопросов сразу... Ну, начнем по порядку. Я Марьяна. И не надо меня на «вы» звать – я простая деревенская целительница, только дворян на «вы» зовут и по имени-отчеству. Ты на моем хуторе, рядом деревня Карауловка, двести дворов. Самый близкий город Лазутин, пятьдесят верст вниз по реке. Как ты тут оказался – я не знаю. Я тебя нашла на огороде. Грядку мне всю помял. Да сама я пол-огорода истолкла, пока тебя тащила в дом – вот ты наел телеса. Хотя это тебя и спасло – ты месяц лежал в обмороке, пока очнулся. Не было бы запасов в теле – умер бы от голода. И так чуть не умер. Вовремя оклемался. Думала, тащить опять придется, яму копать надрываться... – Женщина ехидно хмыкнула. – Если бы я не была целительницей – не выжил бы. Я уж и так и сяк тебя силой поднимала, руки накладывала, и только через месяц ты начал оживать, шевелиться. Я, конечно, не сильная колдунья, но кое-что могу, вот на пределе моих способностей это и было. Могу лечить силой, могу травами отпаивать, могу небольшие колдовства делать – вот как светлячок этот, – но это все умеют, кто Силы касаться может, и ты тоже... Я по ауре вижу – можешь, только необучен. Вот все, что могу сказать. Давай ешь, пока совсем не остыло, потом будем разговаривать. Жуй, жуй... набирайся сил.

Марьяна придвинула к нему миску с похлебкой, Владимир стал хлебать, заедая куском хлеба, отрезанным от каравая. Полученная информация его ошеломила. Ну, он любил фэнтези, про попаданцев всяких – что-то ему нравилось, что-то его раздражало, но в общем это

было неплохое времяпровождение, – но вот чтобы самому попасть... Куда? Хрен знает куда. Говорит вроде по-русски, но цивилизацией тут и не пахнет. Все застыло на уровне Средневековья... А может, и бронзового века? Да запросто. Стоп – на печи чугунная плита, нож стальной – это не бронзовый век точно. Значит, примерно средневековье. На это указывает и упоминание о дворянах. Раз есть дворяне – есть двор, есть царь и так далее. Параллельный мир? Ну почему бы и нет. Владимир допускал, что в жизни есть много чего неизвестного, недоступного пониманию. А уж про шаровые молнии столько всяких таинственных историй было – до сих пор так никто и не знает, что это такое, куда они деваются и откуда приходят. И самое главное – куда уходят. Кого-то они убивают, а кого-то не трогают... В общем, ему повезло как утопленнику – забросило хрен знает куда и зачем, без средств к существованию, без информации, без надежды на возвращение. Его взяла такая тоска, что впору завывать в голос, как собаке... Он бросил ложку – кусок в горло не лез.

Марьяна внимательно посмотрела на него:

– Так, кончай нюнить. Ты жив, скоро будешь здоров, люди и без ног и без рук живут, а ты здоровый сильный мужик, что-нибудь придумаешь, крыша над головой есть, еда – слава тебе, Боже – у нас есть, а там как судьбе угодно. Прекращай, бери ложку и ешь. Окрепнешь – будешь мне по хозяйству помогать, а там разберемся. Ко мне люди ходят лечиться, я им помогаю, мне платят, еды приносят, проживем. Не выгоняю же я тебя... грех немощным отказать в помощи. Вот окрепнешь – там сам решишь, что и как.

Владимир дохлебал суп и откинулся на лежанку... На него опять накатила усталость, и он провалился в тревожный сон.

Через неделю Владимир уже свободно перемещался по двору, выполняя мелкие работы, вроде колки дров или копания огорода. Тело уже укрепилось, кожа не висела, как складчатая простыня, мускулам возвращалась былая сила. Нет худа без добра – лишний вес ушел, оставив лишь свитые в жгуты мышцы и крепкие кости, Владимир все реже присаживался на чурбак, утихомиривая бьющееся, как птица в клетке, сердце и умиряя одышку. Ему нравилось колоть дрова – работа на свежем воздухе и физические упражнения быстро развивали его тело, у него проснулся ужасный голод, он был готов есть целыми днями, так что Марьяна беззлобно поругивалась и кричала, что он проглот и она на него не напасется харчей.

Впрочем, она была явно довольна, что Владимир быстро восстанавливается – это была ее заслуга как целительницы, и как художник или скульптор, восхищенный своим талантом, она радовалась своим успехам в целительстве. Поставить на ноги практически безнадежного больного было очень интересно. Как сказали бы врачи, «интересный случай». Видимо, люди двух миров мало отличались друг от друга психологией. Только вот цивилизация в одном случае пошла технологическим путем, а в другом – путем развития духовных способностей, говоря языком мира Владимира, местные же это называли магией или силой.

Владимир, по мере возможности, выпрашивал у Марьяны об этом мире, и через месяц у него уже сложилось примерное представление о том, как все выглядит. Конечно, деревенская целительница мало что могла пояснить о дальних странах, но о жизни в этой стране она могла рассказать довольно подробно.

Эта страна представляла собой конгломерат из различных народов и народностей – от русских до китайцев. Как понял Владимир, китайцы мигрировали из своей страны из-за перенаселения или каких-то еще причин, но обосновались тут, в средней полосе, приняв подданство.

Страна называлась Истрия (Владимир так и не понял, откуда взялось название). Во главе стоял император, ему подчинялись герцоги, графы и разнообразные сложные структуры: поместь каких-то торговых гильдий и дворянских родов. Тут не было такого четкого деления на дворян, которые ничего не делают и лишь являются получателями дохода от земель, и купеческое сословие: дворяне тоже торговали и состояли в гильдиях, а купцы могли купить

себе титул, правда, с какими-то ограничениями, впрочем, нечто подобное было и в Российской империи.

Самым главным фактором, влияющим на жизнь, было наличие магии. Ну, к примеру, если вы зарядили пушку порохом, надеясь раскидать кишки противника по кустам, а в стане противника находится боевой маг, то по кустам будут раскиданы не его, а ваши кишки. Он просто взорвет порох на расстоянии. Не могут долететь до цели и снаряды, если отправить их издали, или ракеты – их можно взорвать в воздухе. Из-за электрических разрядов, сопровождающих заклинания (впрочем, это громко сказано – заклинания, или волшба, творились здесь как-то по-другому, без завываний, воплей или речитативов, Владимир пока не разобрался, как это происходило), не могли работать электроприборы, которые неминуемо сгорели бы просто на корню. Так что об электронике тут не могло быть и речи. То же самое касалось двигателей внутреннего сгорания и тому подобных вещей, тут могли работать только паровые двигатели, но они как-то не получили распространения – слишком низкий КПД и большое потребление материалов. Впрочем, Владимиру казалось, что это просто следствие консервативности людей и непонимание ими выгод от этих машин. Но ведь он смотрел на проблему с точки зрения современного человека технологичного мира.

Дни в избушке текли размеренно, спокойно. Днем время от времени приходили люди, которых Марьяна принимала в пристройке к дому – что-то вроде этакой клиники, как она говорила: «Ну не тащить же болезни в дом...» Владимиру после приходилось вымывать стол и топчан в этой «клинике», иногда залитые гноем и кровью. Марьяна на это злорадно хихикала и приговаривала: «Вот тебе хлеб целителя! А ты думал, розами тут пахнет?!» Владимир ничего в таких случаях не думал, кроме виртуозных ругательств в адрес больных и ехидной старушенции.

Впрочем, старушенцией ее можно было назвать только с натяжкой – язык не поворачивался – настолько она была энергичной, крепкой. Возраст ее можно было определить... хм... нельзя было определить... «От шестидесяти до... Бог знает, сколько они тут живут», – думал Владимир.

После осторожных расспросов он узнал, что возраст живущих в этой стране напрямую зависит от способностей обладать так называемой Силой. Выходит, очень сильные магики могут жить практически неограниченно – но таких было очень мало, Марьяна в своей жизни (а ей было сто двадцать лет) их не встречала. Это было примерно так же, как встретить долгожителя с Кавказа – он где-то там есть, живет уже сто восемьдесят лет, но где-нибудь в Воронеже его нет. Ты не видишь сурка – а он есть!

Марьяна могла прикладываться к Силе, но ее каналы были в состоянии пропустить только небольшое ее количество, а потому мощными способностями она не блистала. Зажечь магический светлячок, воздействовать на ауру больного с целью излечения, срastить небольшую ранку или остановить кровь, убить бактерии в ране, ну и еще ряд небольших чудес были доступны ей. Даже чтобы срastить кость, ей бы потребовалось неделю сидеть непрерывно над ней, возложив руки и истощив себя до изнеможения. Посему основным способом лечения были гомеопатические средства и способы обычных врачей всех миров – шины, лекарства, скальпель.

Умение исцелять, как правило, не передавалось по наследству в одной семье. Как понял Владимир, у Марьяны семьи не было – муж давно умер, он не был магиком. Так и текла ее жизнь тихо и спокойно... до тех пор, пока на грядку календулы не свалился здоровенный стокилограммовый мужик.

Утро началось с истошных воплей петуха, который влетел на плетень и, надсаживаясь, орал на всю округу, заявляя свои права на окрестные земли и гарем. Владимир потянулся, с хрустом распрямив руки и поводя плечами. Потом резко спустил ноги с лежанки, откинув шерстяное одеяло и отходя от тревожного сна. Его все мучили кошмары – в голове проплывали

какие-то обрывки прежних воспоминаний, и все почему-то заливалось светом, как из неоновой лампы. Это повторялось день ото дня, и никакие тяжелые физические работы, усталость, даже целебные отвары не могли заглушить смутение души.

Он почесал левое плечо и в который раз посмотрел на появившееся на нем темное пятно, от которого отходили «ветви», – это был след вхождения в тело шаровой молнии. Что интересно, выходного пятна не было, хотя обычно в этом случае где-нибудь на ноге всегда бывает выходное, – энергия молнии (если это была молния) как бы потерялась в организме. Владимир встал, еще раз потянулся, надел штаны, натянув их на свои единственные трусы.

Надо сказать, что о нижнем белье, таком как на Земле, тут и не слыхивали. Люди спали или в одежде, или в исподнем, или голые. Или в таких рубахах, которые Владимир видел только в исторических фильмах. Марьяна смеялась, глядя, как он упорно держится за пережитки своего мира, будучи вынужден стирать свои трусы через день. Ей это казалось ужасно смешным и глупым, о чем она обязательно сообщала при каждой удобной возможности.

Скоро с бельем и одеждой у него не будет проблем. Заезжие купцы обеспечивали местных жителей (и их с Марьяной в том числе) и нитками, и иголками, и хорошей тканью, а крестьянки на досуге, долгими зимними вечерами, с удовольствием обшивали всех, кто к ним обращался, но пока... Пока Марьяна не упускала возможности посмеяться над чистюлей из другого мира.

Сегодня у клиники уже ждали трое крестьян, один держал на весу замотанную тряпкой руку, тряпка была пропитана кровью, а лицо его выглядело бледным. Рядом стояли еще две телеги: на одной была баба с ребенком, на другой – девушка, накрытая чем-то вроде брезента. Марьяна уже суежилась, нагревая на печке во дворе горячую воду и готовя отстиранные холщовые бинты.

Прием начался с мужика. Владимир уже привычно ассистировал: разматывал бинты, обмывал руку стонущему больному. Марьяна предельно серьезно подсказывала ему, что и как надо делать, указывая на необходимые предметы, обращала внимание на состояние руки больного.

Владимир не был новичком в лечении, что облегчало ему понимание слов целительницы. За свои годы он получил много знаний – от курсов санитаров, некогда пройденных им при военкомате, до разнообразной информации, добытой из книг, Интернета... и еще черт знает откуда. Эти сведения неожиданно всплывали у него в голове, кусками и мгновенно, что его удивляло. Ну как он мог вспомнить картинку из анатомического атласа, которую видел в четвертом классе сельской школы? После этого прошло сорок лет!

Но, видимо, это были последствия удара шаровой молнии, которая открыла закупоренные каналы для доступа информации, надежно упакованной в мозг любого человека. Для того чтобы ее извлечь, нужны какие-то стрессовые ситуации – в литературе описывалось немало случаев, когда люди проявляли фантастические способности после каких-то странных событий. Некоторые вдруг начинали говорить на мертвых языках, другие демонстрировали феноменальные данные в математике – перемножали в голове многозначные числа, третьи вообще переставали спать и никогда не уставали, да много чего еще.

И такие случаи, как у Владимира, тоже наблюдались: ему сразу вспомнилась, когда он думал над этим, статья о некоем Бобе Петрелла из Америки, который также ничего не забывал. Он тогда подивился и позавидовал – вот счастливчик. И забыл об этом... до поры до времени. Теперь, при его желании, перед ним вставали целые страницы текста, который он когда-то видел, слова, которые он когда-то слышал... Первое время его голова раскалывалась от потока хлынувшей информации, несколько дней он с трудом мог говорить и осознавать мир вокруг, перепугав Марьяну, но постепенно все нормализовалось. Видимо, потоки знаний как-то вошли в нужное русло, и теперь при желании, без всякого усилия, он мог вызвать любую информацию.

Побочным и закономерным эффектом этой способности было то, что он с первого раза запоминал, услышав или увидев все, что ему показали. Это не означало, будто он сразу мог стать гениальным хирургом или целителем – есть еще такое понятие, как память тела, а она нарабатывается только многократным повторением одних и тех же нужных движений. Впрочем, и это у него получалось очень легко. От дальнейшей карьеры лекаря его отделяло лишь то, что он не умел пользоваться Силой, хотя, как сказала Марьяна, способности у него имелись. Беда в том, что его мозг, мозг рационального человека технологического мира, не мог, не хотел допустить в себя мысль о возможности пользоваться чем-то «нефизичным», чем-то, отрицаемым материалистической наукой.

Марьяна часто нападала на него, требуя, чтобы он начал брать у нее уроки магического, но он отнекивался, боясь, что не получится. Ему и хотелось попробовать – вдруг он и правда маг, ну как в книжках, но и что-то останавливало его, все это казалось чем-то несерьезным и странным. Он сам не знал, почему он так опасается, что потеряет от уроков, и все-таки отбивался от целительницы, выдвигая все новые предлоги: то он еще слаб, то готов начать со следующей недели, или потом... И на этом все застыло.

Рука крестьянина была сильно переломана, практически как из мясорубки. Владимир поморщился – по-хорошему, в его мире эту руку бы ампутировали, с такой кашей ничего сделать нельзя. Сможет ли Марьяна что-то сотворить?

Он смотрел за ней: целительница положила руку на стол, стала расправлять раздавленную конечность. Потом взяла что-то вроде пинцета и начала удалять кусочки кости и оторванной ткани из ран. Крестьянин сидел спокойно, даже не морщился. Перед началом операции Марьяна, проведя рукой по голове, отключила у него все болевые ощущения – Владимира каждый раз поражало это умение, а Марьяну сильно забавляло восхищение ученика – с ее слов, снятие боли является первым умением, которое постигают целители-магики. Толку от операции, если больной скончается от болевого шока?

Наконец раны были очищены – если можно назвать ранами лепешку вместо руки. Марьяна поморщилась, потом тихонько сказала, глядя на мужика, сидящего с остекленевшим взглядом:

– Руку-то я ему сохраняю, но пользоваться ей он как следует не сможет... не хватает у меня умения, Силы мало. Чтобы действительно восстановить ему руку, надо целителя-магика высшего разряда, а я кто – деревенская целительница. Ну что могу, то и сделаю, все равно у него денег на высшего целителя нет и не будет – те стоят столько, сколько он за всю жизнь не заработает.

Владимир задумался. А чем этот мир отличается-то? В его мире, если нет бабок, сдохнешь, поскольку не сможешь нанять дорогих врачей, купить дорогие лекарства. Чем отличается этот мир от его мира? Ничем.

– Вот ты, Влад, скотина ты эдакая, сколько раз я тебя уговаривала: учись, учись. Может, спасли бы мужику руку. А ты как хряк безмозглый, одно свое хрюкаешь: па-аа-том! Па-а-том! Врезала бы тебе... – Марьяна осторожно взяла руку мужика и стала сшивать.

Владимиру стало стыдно. И правда, чего он ерепенится? Может, вдвоем и в самом деле мужику бы помогли... надо как-то заняться... завтра. Завтра. Он четко решил для себя, что завтра он займется учением, о чем сразу сообщил целительнице.

Она фыркнула – сколько раз уже было такое. Владимир заверил ее, что уж завтра точно. После завтрака, если приема больных не будет. Если будет – вечером. На том и сошлись. Кстати, Марьяна сразу стала звать его Владом и предложила и ему звать себя так – только дворяне имели длинные имена. Простолюдины обходились короткими.

Наконец возня с иглами и нитками закончилась, Марьяна наложила руки на поврежденную конечность, ее лицо разгладилось, кисти рук вдруг засветились неярким светом, который как бы отходил от ладоней и вливался в раны... Они на глазах зарубцовывались, приобретали

вид давно перенесенной травмы. Потом целительница устало убрала руки, села на подставленную Владимиром табуретку:

– Все, больше сделать ничего не могу... Жить будет, рука двигаться почти не будет... Хорошо, если разработает с годами, но не до конца – это точно. Нечего было пить и в молотилку соваться. – Она снова поднялась, провела над головой крестьянина ладонью, тот очнулся и сразу посмотрел на руку.

– Все, Митрофан, большего сделать ничего не могу. Если соберешь тысячу золотых, езжай в столицу, тебе новую руку отрастят. Я, что могла, сделала. С тебя пять серебряников.

– Издеваешься, Марьяна?! Какие тысячу золотых?! Я за год на всю семью пятьдесят если сделаю, и то хорошо. Какие золотые, обалдела?

– Слышь, мужик, ты базар-то фильтруй, а то шас тебе еще и ноги лечить надо будет, я поспособствую! – Владимир увлекся и заговорил на жаргоне своего мира. – Так, плати и вали отсюда, нам еще людей принимать, ты не один такой у нас.

Мужик неловко достал мешочек с деньгами, отсчитал и, недовольно бурча, вышел из клиники. В дверь тут же сунулись следующие посетители, но Марьяна замахала руками:

– Кыш, кыш, полчаса подождете, нам еще прибрать тут надо после этого обормота!

Голова в двери исчезла, а лекари стали отмывать стол и собирать инструменты.

Наконец все было прибрано. Марьяна налила себе чаю из заранее приготовленного чайничка – чай был крепкий, заваренный с лесными травами, по запаху Владимир распознал клубнику и бадан, – съела небольшую лепешку, чтоб немного восстановить силы, и жестом приказала ему пригласить следующего больного.

Оставшиеся были несложные. Девушка с лихорадкой – на нее ушло пять минут. Владимир понял так, что Марьяна уничтожила в крови девушки болезнетворные бактерии, подстегнув обмен веществ и молниеносно нагрев и остудив кровь в сосудах, – это также стоило пять серебряников.

Следующий за ней ребенок с чирьем занял еще меньше времени, его исцеление обошлось в два серебряника. Наконец площадка у клиники опустела, и целители остались одни. Марьяна устало побрела в дом и прилегла на топчан. Владимир накрыл ее одеялом и пошел приготовить новый чай. Марьяна протестующее приговаривала:

– Шас, шас я передохну и встану, приготовлю чо-нить поесть, не беспокойся. – Но Владимир решительно подоткнул одеяло и сказал, чтобы она не дергалась и спокойно лежала... Она успокоилась и вдруг спросила: – Слушай, Влад, а что такое «фильтруй базар»?

Владимир от неожиданности хмыкнул и смущенно сообщил ей, что на воровском жаргоне это означает «сведи за словами». Мол, чисто автоматически вылетело.

– У нас половина страны сидела в тюрьме, а вторая носила им передачи, вот и влезли такие обороты. Ну, типа, чтобы запугать собеседника... Шибко разозлил колхозник...

– А что такое колхозник?

– Так, Марьяна, отстань... я пойду чай заварю. Потом как-нибудь расскажу. Завтра с утра будешь меня учить магии. Я слов на ветер не бросаю.

Следующий день начался проливным дождем, превратившим черноземные дороги в сплошное болото, в которое нога погружалась чуть ли не до колена. Естественно, поток больных сразу прекратился, остановленный естественными причинами. Тут сам Бог велел заняться уроками. После завтрака, состоявшего из стакана сметаны и краюшки хлеба, лекари уселись напротив друг друга на топчане, в позе лотоса, практически упираясь коленями. Марьяна взяла руки Влада в свои и стала руководить его действиями:

– Расслабься, закрой глаза и представь, что ты огонек в черной пустыне... Ты висишь в воздухе... твои чувства тянутся к той реке, из которой ты вылился. Ты должен увидеть реку Силы и потянуться к ней душой, соприкоснуться с ней, попробовать потянуть из нее Силу. Давай, ищи реку... Пусти мысль вперед... Ищи... ищи... ищи...

Владимир замер, его мысли плавали где-то далеко... он никак не мог освободить голову от них. Сразу лезло: как там без меня, как моя семья... что они делают... Потом он немного успокоился, расслабился... мысль блуждала в пространстве, он вроде как начал ощущать что-то, потянулся... но нет. Ушло. Он с досадой открыл глаза:

– Не получается ни черта. Я же говорил!

– Ты же, паразит, не старался! Стараться надо! Ты думаешь, сразу приходит все?! Люди годами учатся, а ты зараз хотел все освоить! Наглец! Пошли чаю попьем, а потом снова будем заниматься. Нечего было... Это... базар фильтровать надо было! Обещал учиться – учись!

Владимир поперхнулся и закашлялся – смешно было слышать жаргонизмы его мира от старушки божьего одувачика. Она глянула на иконостас в углу и перекрестилась. Потом быстро побежала собирать на стол.

Надо сказать, что по поводу веры Владимир давно уже выяснил: о Христе тут не слыхивали, хотя верховный бог был один. Впрочем, имелось также множество богов типа языческих. Словом, религия тут почти не отличалась от той, что существовала в его мире, в общих чертах.

Целители сели за стол, Марьяна налила в деревянные, расписанные по типу хохломы кружки травяного отвару, и они занялись чаепитием, используя вместо сахара густой белый мед. Марьяна всем видам сахара предпочитала именно мед, считая его, и справедливо, лекарством от большинства болезней. Да и просто так было вкусно.

Наконец чай был допит, и Марьяна опять потянула Владимира на топчан. Они уселись в прежних позах. Владимир про себя выругался, эти вычурные восточные асаны ему всегда не нравились – ноги через минуту начинают болеть, спина затекает, поясница ноет – не двадцать же лет уже. Но делать нечего – расслабился, закрыл глаза, подал руки Марьяне. Вдруг почувствовал слабость, и мысли стали отлетать далеко-далеко, оставляя пустоту и черное пространство. Последняя мысль была: «Подпоила, зараза, вот хитрая бабулька!» Затем остались только ее слова, ее вкрадчивый тихий голос:

– Ты огонек в черной темноте... ты колышешься и горишь... ты хочешь потянуться к реке, от которой ты отделился... Ищи, ищи... почувствуй реку, тепло. Тепло. Теплее... смотри – вот она, река... Осторожно подлети к ней и почувствуй ее... Ты должен осторожно коснуться ее и попробовать наладить канал... Подлети ближе... касайся разумом... тянись к ней, тянись... осторожно тянись... Осторожно!!! Медведь чертов! Что ты делаешь?!!

Владимир висел в черной пустоте, следуя словам Марьяны... Такое впечатление было, будто бы она тащит его через огромный космос, сияющий звездами и замусоренный космической пылью. Наконец он почувствовал что-то... как будто теплое дуновение коснулось его щеки... Он потянулся по направлению к теплу и вдруг увидел Ее. Река Силы текла в пространстве как огромный поток. Она пронизывала буквально все, начинаясь неизвестно где и нигде не заканчиваясь.

Владимир понимал, что на самом деле это не совсем река, как и не совсем космос – просто его подсознание, его мозг воспринимали все это именно так. Сознание человека технологического мира выстроило себе четкую картину и теперь придерживалось ее.

Огонек-Владимир подлетел к громадной реке, как мотылек к пламени. Он слышал как издалека, как из глухого динамика слова Марьяны... она чего-то требовала от него... А, ясно: он должен как-то прикоснуться к реке, потянуть из нее Силу... Но он не знал, как это сделать, и просто как бы взял и вцепился в реку рукой, пытаясь оторвать от нее кусок... Руки, конечно, не было – просто ему как привиделось: будто его рука вцепилась в реку Силы и начала делать отвод потока. Словно в воображаемом берегу образовалась дырочка, и поток Силы хлынул в нее, как бы наполняя резервуар в его теле... Он впустил в себя реку, подумал, и еще раз рванул – образовался канал... Владимир стал наполняться быстрее. Он рванул снова, и еще более мощный поток хлынул в него, опаливая его огнем и выжигая изнутри.

На периферии сознания метался и визжал голос Марьяны, он отмахнулся от него и продолжил впитывать поток Силы – это было сродни оргазму. Он, как та крыса с вживленными электродами, не мог оторваться от источника удовольствия и все тянул и тянул Силу из реки... пока вдруг не почувствовал дикую боль. Сознание помутилось – поток Силы остановился, а Владимир слетел с топчана, больно ударившись головой о табуретку и приложившись ухом об пол. Марьяна в ярости пинала его ногой в бок, возвышаясь над ним, как Пизанская башня, и вопила, вопила, словно сирена пожарной машины. Владимир почти не разбирал слов, только:

– Ублюдок тупоголовый! Хряк кастрированный! Скотина тупоумная! Что творишь?! Ты какого черта присосался как клещ! Я тебе, придурку, сказала: осторожнее, а ты чего творишь?!

Владимир даже подивился разнообразию ругательств в лексиконе старушки-одуванчика, потом успокоился – все-таки ей сто двадцать лет, за столько лет и он много нового узнает, особенно при таких-то учителях. Он провел по лицу и взвыл от боли – Марьяна разбила ему нос и, похоже, сломала. Кровь залила всю грудь, нос торчал набок. Мужчина с трудом поднялся и сел за стол. Марьяна, продолжая поносить его, подошла к столу и уселась рядом.

– Марьян, ты обалдела, что ли? Ты же мне нос сломала! Я как теперь буду с таким носом жить-то?

– Болван, – устало откликнулась она, – нос-то – дело поправимое. А вот хотел бы ты жить, гадя под себя и пуская слюни? Так бывает со всеми, кто черпал Силы не по силам. Ты не умеешь контролировать себя и Силу, я спасла тебя. Еще бы минута, и ты – овощ. Теперь ты понимаешь, что к чему?

Владимира побил озноб, и не только от стреляющей боли в носу и распухшего уха – стать идиотом ну никак не входило в его планы.

– Скажи спасибо, болван, что я вовремя успела тебя приложить кулаком! Да у тебя, как оказалось, резерв в магическом узле большой... Хм, раз в сто больше, чем у меня, насколько я поняла. Я тебе говорила, что ты перспективный. Я ведь за сто двадцать лет сумела развить узел до такого объема, а ты сразу – даже завидно. Ладно, давай, гадина, лечить тебя теперь.

Она встала перед Владом, задравшим к ней голову, и начала осторожно ощупывать лицо. Потом заявила:

– Так. Сейчас будет ну очень больно. Я не могу снять с тебя боль, так как ты гораздо выше меня по уровню магии, и я не могу навести на тебя обезболивание, понимаешь? Это сродни воздействию на душу, а твоя душа сопротивляется воздействию. Лечить тебя могу, а вот обезболить, или усыпить, или еще что-то такое из мороков напустить – нет. Придется потерпеть. – С этими словами злостная бабка зверски дернула Влада за нос так, что кровь, слезы и вопли смешались в равных пропорциях, и он потерял сознание.

Очнувшись, он увидел перед глазами носки тапок Марьяны, перемещающиеся вправо-влево.

– Вставай давай, чего там разлегся-то?.. Все уже.

Владимир ощупал лицо – нос был на месте, ухо не болело. Пока он лежал, целительница провела лечение и восстановила все как было. Даже лучше: он одной ноздрей не очень хорошо дышал с юности из-за перелома хряща, полученного при неизвестных обстоятельствах. Да мало ли таких обстоятельств в юности – от дворовых разборок до некой игры в секции дзюдо, почему-то называемой регби и имеющей к ней такое же отношение, как пьяные танцы гостей на свадьбе к балету «Лебединое озеро».

Он поднялся и пошел умываться на улицу. С небес хлестала вода, гремел гром... Владимир стоял под дождем, смывающим с него кровь и слезы, и мечтал, чтобы сейчас в него ударила молния и он снова переместился в свой мир, к своей семье... Увы, молнии били где-то там, далеко от него. Да и где гарантия, что удар молнии перенесет его на родину, а не превратит в жаркое? Он был в этом совсем не убежден.

Владимир подошел к кадке, уже полной дождевой воды, и стал умываться. Затем, дрожа, снял штаны и рубаху, хорошенько прополоскал их, отжал и, не разворачивая, понес в дом, шлепая по жидкой грязи босыми ногами. У порога смыл грязь с ног, зачерпнув ковшиком воды из кадки у двери, и ввалился в комнату. Там было тепло и уютно – в печи трещали заранее заложенные дрова, на столе стоял чугунный чайничек с парящим отваром, мед, хлеб, в чашках парила пшенная каша с тающим кусочком масла. Владимир достал из сундучка запасные штаны с рубахой, переоделся в сухое и, все еще вздрагивая от холода, уселся за стол.

Они молчали, некоторое время слышался только стук ложек об края чашек. Несмотря на то что недавно они позавтракали, есть хотелось ужасно – Влад всегда замечал, что после работы с Силой Марьяну сразу тянет поесть, видимо, на такие упражнения с магией организм затрачивает много энергии, и ему требовалось восстановление. Доев кашу, они разлили чай и, смакуя букет и аромат, посидели друг против друга. Говорить не хотелось.

Наконец еда и чай возымели действие, Влад согрелся. Марьяна некоторое время задумчиво смотрела в центр стола, не поднимая глаз, а потом неожиданно сказала:

– Испугалась я. Видела я, как выжгло одну девчонку, мою двоюродную сестру. Симпатичная была девка. Задушили ее.

– Как – задушили?

– Как? А вот так... – И Марьяна страшно и вполне натуралистично изобразила хрип из горла и конвульсии умирающего тела.

– Да нет, – содрогнулся от увиденной картины Владимир, – я имел в виду другое. Что, свои задушили? Зачем? Что, ничего нельзя было сделать?

– Ничего... – Марьяна уперла палец в столешницу и начала водить по ней, как бы чертя невидимые узоры, – ничего не может помочь, если человека выжгло Силой. Пытались в прошлом как-то воспитывать этих... растений. Ну, как детишек неразумных. Но ничего не получается. Если душу выжигает, то тело без души – это просто оболочка. Убийство тут бывает чисто из жалости. Мне тебя не хотелось убивать. Понимаешь? – Она подняла голову и посмотрела на Владимира. – Мы год уже тут с тобой живем, привыкла как-то... Знаю, что скоро уйдешь – тебе тут тесно, хочется мир поглядеть, устроиться как-то получше. Но лучше ты уйдешь живой и здоровый, чем вперед ногами. Так что – слушай бабушку, иначе пропадешь. Понимаешь?

– Да понимаю я все. Получилось так. Такая сладость, такое удовольствие... Я не смог оторваться.

– Могу себе представить... хотя я и слабее тебя во много раз. Будь осторожнее с этим. Всегда есть опасность потерять себя, а меня рядом не будет. Ну что же, теперь можно учиться по-настоящему. Я многому тебя научить не могу – боевая магия мне вообще недоступна, сил мало, светлячок и заживление ран – вот мой уровень. Я научу тебя всему, что умею, а дальше ты будешь сам учиться.

– А сложно учиться? Надо какие-то там слова знать, заклинания?

– Ты где наслушался? У вас там, в твоём мире, что ли? У нас самое главное – концентрация. Ты должен представить то, что ты хочешь сделать, и потянуться за силами к магическому узлу. То есть у тебя в районе центра подреберья есть как бы шар такой, и, когда ты магичишь, ты тянешься к нему и высвобождаешь Силу. Вот эта Сила и есть основа твоих магических дел.

– А если она кончается, Сила эта?

– Тогда ты тянешься к реке Силы и наполняешь резервуар. У тебя теперь имеется постоянный канал к ней, перекрытый твоим духом. Как только сосредотачиваешься, открываешь затвор – и Сила потекла в себя. Не спрашивай меня, что такое Сила, что такое река – этого никто не знает. Мы можем только пользоваться ей, и все. Все разговоры типа откуда она взялась – выеденного яйца не стоят. Болтология одна. Никто не знает. Просто прими как факт – вот она есть, и все тут. Я так поняла, что у вас ее нет, иначе ты бы знал.

– Да, у нас об этом только сказки. Где-то наши миры разошлись... Язык один, а вот история разная. И про магию у нас ничего не известно. Есть какие-то зачатки – кто-то что-то вроде может, но такого, как тут – нет. Все бы знали. – Владимир помолчал, потом добавил: – Неужели магичить так легко? Вот захотел, и получилось? Как-то странно...

– А ты кого вообще видел из людей-то? Крестьян? Меня? Почему ты думаешь, что это так легко и всем доступно? Из десяти – двадцати тысяч один попадается с зачатками магика, а из тех, кто с зачатками, только половина доходят до овладения магией, остальные выгорают. Из оставшихся только единицы дорастут до сильного мага, остальные на моем уровне застревают – не могут развить магический узел. Кто-то из тех, кто с зачатками магии, вообще не хочет становиться магом – а что, если выгорит? Зачем быть магом, когда и так жить хорошо. Теперь ясно?

– Ясно. Вот ты, зараза, а если бы я правда выгорел? Чего ты не предупредила, что отсеив такой большой?

– А ты бы тогда решился попробовать? Я-то как-то прошла посвящение – это так у нас называется. Когда ты к реке Силы прикасаешься. А почему ты бы не прошел? Ты сильный, умный, я же вижу. И что, ты всю оставшуюся жизнь собирался тут на хуторе просидеть, грязь месить и бинты отстирывать? Так хоть надежда есть выбраться, я бы посильнее в магии была – разве ж я тут сидела... – Марьяна пригорюнилась, подперла рукой голову и опять уставилась в столешницу. – Так и тянет все послать и куда-нибудь убежать. Так все обрыдло...

– Ну так и уехала бы, а чего?

– Да кто меня там ждет... Магичить там можно, только вступив в гильдию, если поймают на неуплате налога и магичанье без вступления в гильдию – накажут. Могут отрезать от реки Силы на время. А то и навсегда. А потом ты поймешь, что значит, когда ты мог к ней прикоснуться, а теперь не можешь... Впрочем, ты уже понимаешь. Это слаще, чем... между мужиком и бабой, слаще меда... Те, кого отрезают, долго потом не живут. Года три – пять – и умирают. Так что все серьезно. Не вздумай в городе лечить или брать заказы без вступления в гильдию – для себя можешь магичить, для своих близких, а на заказ не моги. Поймают – удушат... если смогут. – Она хитро усмехнулась. – Всегда есть те, кто над законом. Одолеют, если смогут. А не одолеют... Ну в общем, так вот. Давай-ка теперь будем учиться пользоваться даром. Чтобы было не даром.

Глава 2

Через несколько часов Владимир уже знал, что он бестолковый болван, ушастый дерьмовый енот и вонючий хромой уж... «Откуда у ужа ноги?» – спросил он и получил ответ: «Это такой *дерьмовый уж*». Однако это не помешало Владимиру освоить создание шара-светлячка и разнести печь. В комнате было гадко: куча кирпича, чадающий дым от разбросанных по полу и с трудом залитых водой дров. А в глазах, ослепленных вспышкой, радужные круги...

Началось все невинно. Марьяна приказала ему создать светляка, магический светильник. Он должен питаться от Силы, которую в процессе изготовления закачивает в него магик. Для этого надо было всего лишь подумать о том, что такой шар должен быть создан, и – ап! – в углу повис маленький, с мандарин, шарик. Ну, кончилось это дурно: по принципу «кашу маслом не испортишь» Влад черпанул из узла силы и представил висящий в углу шар, вот только шар тот оказался диаметром полтора метра и сиял, как прожектор заходящего на посадку стратегического бомбардировщика, даже сквозь закрытые веки пробивало.

Пришлось его гасить после яростных, перемежаемых ругательствами объяснений Марьяны. Оказалось, что можно, потянувшись к шару, погасить его, перекачав энергию в свой магический узел. Это было похоже на прикосновение к реке Силы, но только в гораздо меньшем масштабе.

Как выяснилось, погасить шар или впитать магию какого-то из магов может только тот, кто сделал магический объект или является специалистом классом выше. Например, погасить шарик Марьяны Влад мог, а вот она погасить его шар не могла, и даже если бы могла, сто раз подумала бы, делать это или нет. Неизвестно, сколько Силы он закачал в шар, и, если ее количество превысило бы объем узла – может, выжечь бы и не выжгло, но на неделю в постель точно бы уложило.

Дальше было еще хуже – Владимиру вдруг захотелось посмотреть, как он может создавать электрический разряд... В общем, Марьяна выжила чудом, печка не выжила совсем. Ветвистая голубая молния врезалась в покрывающую зев печи чугунную плиту с дырками для котлов и заслонками и выворотила ее из кирпичей, чудом не создав пожар.

Владимир и Марьяна перепугались и, пока выбрасывали горящие дрова под дождь, договорились, что до поры до времени ограничатся лечебными магическими действиями. На том и порешили. Угли и тлеющие половики выкинули на улицу, пол опять пришлось отмывать. Потом улеглись на свои топчаны, накрывшись шерстяными одеялами, с чувством выполненного долга.

Утром было солнце, ливень закончился, оставив грязь, лужи, кучи грибов-дождевиков, в обхват величиной, и изумрудную пахучую растительность вокруг. Первым делом горе-маги взялись за ремонт печи, выложив опять кирпичи и обмазав их замешенной глиной. Чугунная плита легла на свое место – благо что разбить ее можно было только из танковой пушки. Молния Влада не оставила на ней следа, кроме сбитой сажи. Кстати, тут он задумался: а если палить молниями по людям, одетым в броню, что же это будет, если никакого следа на железе не остается?

Марьяна «успокоила» его, заверив, что если на железе-то следа не остается, то содержимое этого железа нормально приобретет вид запеченной в духовке курицы. Что такое гриль, в этом мире не знали, но о духовке понятие имели.

Главное в магии, как оказалось, – это контроль. Контроль за своими действиями, за черпанием Силы, за невыпуском магических ударов наружу. Если маг не контролировал себя, если после него оставались руины, погибшие люди, – власти старались пресекать деятельность такого специалиста, а иногда и жизнь. Уникумов, способных разрушить усилия множества боевых магов, было мало, а даже если такие и существовали, им надо было спать, есть... Что ж,

в еду можно подсыпать яд, а спящий не контролирует приближение врагов, – в общем, шанс превратиться в диктатора или бога у магигов был очень невелик, практически приближался к нулю.

Впрочем, жили сильные магики очень хорошо, богато, пользуясь всеми благами этой цивилизации. Силы их были ограничены только способностью захватить и накопить необходимое количество магии. Например – сил Марьяны хватало только на полдня работы с больными, потом ей приходилось около часа сидеть и медитировать, откачивая Силу.

Владимир, как ни странно, обладал магическим резервуаром гораздо большего объема. Видимо, это было потому, что шаровая молния разорвала в его теле связанные каналы, и он теперь мог использовать возможности человека на полную катушку. Вообще, его восхищала возможность творить что-то без всяких там заклинаний и зазываний. Показал пальцем – бах, объект упал. И все. Вот только тут тоже были свои законы. Ну если бы так: шел человек с «Магнумом-357», навел на другого, пальнул – тот упал. А дальше что? А дальше на тебя налетает толпа с такими же «магнумами» и, как бы ты ни отстреливался, кладет тебя наповал, рано так поздно. Впрочем, по зрелом размышлении Владимир пришел к выводу, что это правильно – иначе это был бы не мир, а один большой рабский загон у супермага. А так их количество и действия регулировались законом.

Итак, властелином мира Владимиру не быть. С этой мыслью, немало посмеявшись про себя, он смыл с себя сажу и глину и принялся хлебать куриную лапшу, которую сварила Марьяна на дворовой печке.

Им пришлось повозиться с ее розжигом – дрова были сырые после ливня, а разводить огонь магией они не решались. У Марьяны на это не хватало сил – жалкий убогий шарик фаерболо, получавшийся у нее, не только не мог поджечь дрова, даже если их полить керосином, но еще и лишал ее половины запаса Силы. Фаерболы и что-то подобное – молнии, лед, вызывание ветра – были уже явлениями под силу магам более высокого уровня, требующего большого запаса Силы. Владимир же мог просто взорвать и эту печь, оставив их обоих без обеда.

В конце концов, после нескольких проб и сбитых трех сосен, он сумел-таки ограничить шарик фаерболо до размера теннисного мяча ярко-белого цвета. Враз высохшие от жара дрова вспыхнули с веселым треском, разбрасывая капли смолы и шипя выступившими из поленьев капельками воды. Марьяна, с ужасом и восторгом следившая за потугами Владимира, опасаясь, как бы он не разнес дом и «клинику», заявила, что если он с такой же энергией будет лечить больных, то они, больные, останутся без рук и без ног, а потом и он сам, так как ему их поотрубают. С этими жизнеутверждающими заявлениями она плюхнула в миску Влада куриную ножку с клецками.

Как уже выяснил Владимир, картошки они не знали. Увы. Ему страшно не хватало картошки в этом мире. У себя он мог есть ее во всех видах: жареную, вареную, в супе, в салате, в чем угодно, – и теперь этих блюд ему не хватало. Мир вроде бы не отличался от привычного, но время от времени все-таки попадались вот такие казусы.

Они так и называли его – Мир. Материки тут были другие. Основной материк, громадный, как Америка вместе с Евразией, назывался Астрал, а мелкие – ну не такие уж мелкие, но в сравнении с основным мелкие – острова. Их было множество, на некоторых разместились государства, объединяющие много островов.

С мироустройством Влад пока не разобрался, да и как-то все равно ему было – где и сколько островов и какие есть государства. Он знал пока одно государство и готовился в нем жить. Больше-то ему ничего не оставалось... Он не позволял себе думать о том, как ему вернуться домой. Если слишком много об этом думать, можно сойти с ума. Пока он не видел, как это сделать.

Марьяна открыла ему еще одну вещь: закон запрещал применять боевую магию против дворян или простолюдинов, если те не совершали каких-то преступлений или не находились

в рядах противника в случае войны. Вначале Владимир никак не мог понять – ну как это так? Ну вот напал, к примеру, на него некто с мечом или там с ножом, а он не мог применить боевую магию? Оказывается – нельзя. Маг может защитить себя небоевыми действиями, ну типа усыпить, отбить удар магией, но вот убить нападавшего магией или хотя бы слегка поджарить – нет.

Размышляя над этим, Влад понял, что тут правящая власть защитила себя от угрозы нападения магов. Ясно, что этот закон касается только самих магов, которым к тому же запрещено занимать какие-то должности в администрации. То есть фактически маги были поставлены на уровень неких академиков – приносили нужные результаты, имели деньги на безбедную жизнь, но вынуждены были находиться в жестких рамках. Сделаешь шаг не так – специальный корпус магов-карателей найдет тебя и подвергнет расправе. Тут задумаешься – так ли сладко быть магом?

Слаще всего в любом мире все-таки быть у власти. Представитель знати, не особенно задумываясь об условностях, вполне мог откупиться в случае совершения им убийства или другого не менее тяжкого преступления, просто заплатив определенную сумму золотых. Ее размер зависел от статуса жертвы. Для тех же крестьян эта сумма не превышала полсотни золотых – годового заработка семьи.

Простолюдин, если у него нет титула дворянина, не мог вызвать на дуэль дворянина, но дворянин мог вызвать любого высородного, кроме герцогов и императора, а также и простолюдина – если не хотел просто его убить. Поединки происходили врукопашную, с применением холодного оружия, но без магии, как уже упомянуто выше. Применяв ее, маг сразу ставил себя вне закона.

Владимир долго не мог поверить в такую несправедливость, возмущался... Все это привело его в бо-оль-шое уныние. Чем отражать нападения (а он был уверен, что они неизбежны), если основное оружие фактически выбили из рук?!

– Ну, магик может нанять охрану, ходить всегда в сопровождении – есть специальные агентства наемников. Магики ведь обычно богатые. Им это по карману.

– А если охрана подвела? Или он один остался? Тут как быть? Сдохнуть?

– Ну бежать... А если не успел – тут уж драться или помирать. Знаешь, вообще-то у нас многие, и маги тоже, умеют железками махать. Мало ли что случится... Или силы не хватит, или охраны рядом не окажется. Ну а кто не может заработать на охрану – тот в леса забивается. Мы долго живем, завистников много... Так что учись железкой махать. Тут я тебе помочь не могу, только в городе можно научиться фехтованию, ездить на лошади. Вызовет тебя кто-то на дуэль – а ты или будешь стоять оплеванный, и все потом презирать тебя станут, или, если примешь вызов, тебя просто убьют.

Перспектива Влада не сильно вдохновила, и он задумался: «И тут засада! Будь ты хоть полубогом, могут в конце концов все равно прибить. Надо как-то вписываться в систему». Что он имеет? Тело, выдавшее виды, с больным левым плечом, с треском в суставах – довольно сильное и быстрое для своих лет, но совсем не дотягивающее до уровня фехтовальщиков Средневековья, с детства занимающихся этим гнусным делом и только и мечтающих насадить кого-нибудь на свой дурацкий вертел. Только из-за угла и можно их глушить.

– Марьян, а есть какой-то запрет на использование магии не напрямую? Ну, например, я не могу засандалить в уroda молнией, как я понял, не могу магией обрушить на него балкон, но могу ли я использовать какую-то магическую вещь – ну, к примеру, особо крепкий и острый меч или специальные стрелы. Или там броню какую-то сверхкрепкую. Могу их применять? Или какие-то там способности. Ну, к примеру, какой-то целитель сделал так, что я при желании начну двигаться быстрее всех. Или видеть дальше. Ну ты поняла, в общем...

– Да поняла я... – Она задумалась. – О запретах на такое использование Силы я не слыхала. Так и случаев такого ее применения мне неизвестно. Ты особенно-то себе не думай. Боль-

шинство целителей – это мой уровень, а те, кто правда что-то умеет – ноги-руки отращивать, чего-то изменять в теле, – очень редки. Да и не решаются лезть кому-то в брюхо. Намутишь там, а потом тебе башку снесут...

– А сами себя – могут «править»? Ну целитель взял и начал себя изменять.

– Я о таком не слыхивала. Это слишком. Фантазии это все. Ты пойми, на любое изменение, на лечение ты тратишь кучу Силы, а чтобы изменить уже здоровое, сопротивляющееся изменению, надо столько ее затратить, что это никому не доступно. Даже ты не сможешь. – Она покосилась на Влада. – Думаешь, я не понимаю, о чем ты говоришь? Я только порадуюсь за тебя, если ты сможешь это делать, но... Жаль, сомневаюсь я в том, что тебе это по силам. Давай-ка мы займемся лечением чирьев да хромоногих пастухов, а там научишься лечить и сам все поймешь. Пока ты еще ни одного больного не исцелил.

Дни проходили в домашних хлопотах, пришлось пропалывать заросший огород, на котором кроме лука-чеснока и обычных помидоров с огурцами росли различные лекарственные травы, даже женьшень, непонятно откуда взявшийся в средней полосе. Впрочем, после размышления Владимир понял: караваны с товаром ходят по всему матерiku, вплоть до Дальнего Востока, – почему бы им и не привезти семена женьшеня? Когда-то привезли, а теперь вот он и прижился.

Прижился он, как оказалось, только у целителей – они умели поднимать его рост, Марьяна научила использовать Силу для этого. Нужно было сидеть у грядки и, окунувшись в черноту, пытаться настроиться на растения... Через какое-то время Влад уже начинал видеть движение соков и на уровне подсознания подталкивать эти процессы, напityвая ауру растений Силой. Кстати сказать, после нескольких уроков он наловчился видеть ауру растений и людей. Она была разной. У растений – как бы охватывала свечением весь стебель, корни, и если в этой ауре появлялись прогалины, то, значит, растение болеет. Стоило закрыть Силой дырки в ауре, и растение сразу же поднималось, наливалось соками, начинало цвести.

Через некоторое время Владимир научился манипулировать с аурой сразу множества растений. Он как бы чувствовал, где больше всего растение нуждалось в подпитке, и направлял туда Силу. Она как бы оплетала объекты воздействия – у больных закрывала дыры в ауре, здоровых подпитывала, делая большими и сильными. Огородик у них разросся, Марьяна была очень довольна успехами Влада на мичуринском поприще.

– Хороший магик садовод-огородник будет всегда при деле, все крестьяне просто молиться на него станут, – доводила до сведения Владимира учительница. – Я могу работать только с десятком-двумя растений, ты же в состоянии целое поле обработать. Крестьяне будут просто счастливы тебя принять. Впрочем, денег на них ты не заработаешь, хотя и сыт будешь. Все деньги в столице. Тут так... крохи. Если сумеешь еще и переделывать тела, как ты мечтаешь, то клиенты у тебя всегда будут. Все богатые старухи, старики, все те, кто недоволен своей внешностью.

– Это можешь мне не объяснять. В нашем мире самые богатые из врачей – пластические хирурги. Они из дурнушки могут сделать красотку. И делают. Только стоит это столько, что позволить себе их услуги могут только очень богатые люди. Впрочем, простые операции типа убирания лопухости и тому подобные они делают сравнительно недорого.

– Ладно. Пора тебе переходить на людей. С растениями у тебя хорошо получается. Как я тебе уже говорила, с человеческим телом все сложно и одновременно просто. Ты воздействуешь на тело человека, ускоряя процессы его заживления. Учти, энергия заживления идет изнутри самого организма, и, если ты что-то в нем делаешь, главное – не довести его до полного истощения. В противном случае ты получишь целый и здоровый труп. Главное – контроль, главное – вовремя остановиться. Лучше чуть не долечить, чем убить больного лечением. Вот почему сложные случаи лечатся за несколько сеансов. В общем, с завтрашнего дня ты принимаешь пациентов.

– Хм, не прошло и трех лет. Как же это так быстро-то?

– Давай не смейся – лекарей допускают к больным через десять лет, не меньше, пока научатся контроль держать, пока научатся работать с Силой... Тебе, видимо, помогло то, что ты стал целителем уже взрослым, кроме того, ты обладаешь знаниями другого мира. Иначе бы ничего не вышло так быстро. Всего два года – и уже целитель. Только не задирай нос. И иди дров наруби, великий целитель...

На следующий день у «клиники» с рассвета уже стояла очередь из больных. Лекари наскоро позавтракали – Владу не терпелось попробовать себя, а Марьяне не терпелось увидеть, чему научила ученика.

Первым вошел мальчишка, проткнувший себе ногу каким-то штырем. Рана загноилась, нога распухла. «Еще немного – и начнется заражение крови. Впрочем, могло уже начаться», – подумал Владимир.

Он поводил рукой над головой мальчика, сосредоточившись на том, что тому должно быть не больно... не больно... не больно...

– Замри...

Мальчик застыл, глядя перед собой широко раскрытыми испуганными глазами. Его отец, выглянув из-за приоткрытых дверей, растерянно воскликнул:

– Что это с ним? Что с ним случилось?

Целители бесцеремонно прогнали мужчину и закрыли дверь, чтобы никто не мешал. Мальчика уложили на стол, сняв с него штаны и башмаки. Впрочем, башмак был один, так как больная нога распухла до состояния небольшого бревна. Целители встали по обеим сторонам стола.

– Что ты видишь, Влад?

– Рана сквозная, заражена, у нас врачи, скорее всего, уже отрезали бы ногу – вон как почернела. Ткани отмирают. Эти идиоты привезли его поздно. Боюсь, ногу не спасти. Прибил бы этого тупого урода, его папашу!

– Ну а что ты хотел – от крепостных крестьян ума и фантазии? Им бы выжить и барщину отработать, а не думать, кто из детей чего там проткнул. Этот помрет – еще народят. Вот так и живут, привыкай...

– Крепостные? Ты хочешь сказать – это рабы? Куда я попал?!

– Ну, можно сказать, и рабы. Ладно. Хватит болтать – мальчишка вон помирает. Чего будем делать? Думать давай. Моих сил сохранить ногу не хватит. Будешь пытаться или сразу режем? Иначе помрет. Кстати, он и так может помереть, похоже, сепсис уже по всему телу растекся. Что видишь в ране? Рассказывай.

– Ну что? В ране гной, кроме того, что-то осталось в канале – типа стружка или окалина какая-то. Надо чистить, разрезать, удалять инородные предметы, очищать кровь. В общем, «Он сказал – поехали!».

– Куда поехали?

– Я тебе потом расскажу.

Владимир взял в руки остро отточенный небольшой нож – местный аналог скальпеля, точным движением руки сделал разрез вдоль икроножной мышцы. Оттуда полился гной... Продолжая смотреть на канал раны, лекарь усилием воли перекрыл сильно закровоточившие сосуды, успело вылиться примерно с полбутылки черной застоявшейся крови. «Это неплохо, – подумал он, – гнилая кровь стекла, а остальную почистим».

Он стал безжалостно срезать почерневшее мясо, кромсая, как черствую горбушку хлеба, до тех пор, пока не показались красные волокна более-менее здоровых мышц. Остатки предмета, проткнувшего ногу, были удалены...

Из-за распространившегося по комнате запаха дышать было тяжело, даже Марьяна, привыкшая ко всему, стояла бледная. «Как на грех, сегодня такой вот случай! Поучился, называ-

ется», – подумал Влад и продолжил операцию. Пришлось вырезать икроножную мышцу почти до кости – гангрена разъела все до основания. Владимир остановился и задумался: как сохранить ногу без мышц? Мышцы есть – выше и ниже, что делать? Он сосредоточился... Из остатков мышцы выше и ниже раны стали вытягиваться красные нити. Они росли, пока не соединились в основу икроножной мышцы. Она вышла пока еще тонкая, но организм, помнивший, какая она должна быть, медленно, но верно наращивал сплетения... Марьяна взяла его за локоть:

– Осторожнее! Мальчишка небольшой, ресурс у него маленький. Давай завершай!

Владимир сосредоточился на коже мальчика – мышцу надо было прикрыть. Кожа стала медленно расползаться от краев, сдвигаясь, пока наконец не прикрыла зияющую красную дыру. Мышцы не хватало, чтобы заполнить все место, которое ей было предназначено, на месте раны образовалась впадина, а нога как будто усохла.

– Ничего, разбегает, нарастит ногу. – Марьяна озабоченно осмотрела мальчика. – Нам еще кровь очистить надо. Продолжай.

Владимир магическим зрением осмотрел мальчика – кровь была заражена. Целитель лихорадочно думал, думал, что делать? Что чистит кровь? Печень, почки?.. Усилил кровоток, поддерживая органы Силой. Пошло очищение...

Шел уже третий час работы, наконец Владимир решил – хватит. Он подпитал слабую ауру мальчишки Силой и устало откинулся назад, усевшись на табуретку. Все. Марьяна с уважением поглядела на него:

– Влад, ты молодец. Я думала, у тебя не получится. Я ни разу не видела, чтобы так кто-то мог работать. Я горжусь тобой. Ты настоящий целитель.

– Спасибо, Марьян, без тебя я бы не смог, твоя заслуга.

– Так, давай отмываем все, перекусим и потом продолжим. Остальные ерунда – переломы, вывихи... ничего страшного. Щас я этого идиота позову. Пусть забирает мальчика. Сними с него оцепенение.

Владимир провел рукой над головой пациента, снимая оцепенение, и ребенок тут же заревел от страха, обнаружив себя без штанов в незнакомом помещении, дурно пропахшем и отвратительном. В комнату заскочил отец мальчика, но тотчас выбежал обратно на улицу. Владимир сам поднял ребенка и вынес за порог. Малец ревел, оглашая окрестности. Отец принял его с рук на руки, успокаивая и похлопывая по спине. Тот утих и позволил Владимиру вставить слова об оплате:

– По-хорошему, с тебя тысяча золотых. За такую мерзкую работу. Прибил бы тебя – мальца ведь почти что загубили. Еле-еле вытащили его с того света. В общем, с тебя золотой.

– У меня только три серебряника...

– Давай три, а остальное принесешь продуктами, на семь серебряников, по ярмарочной цене. Все, вали отсюда, мы прибираться будем и отдыхать, нам еще других лечить.

После отдыха и уборки лечение пошло быстро, за час целители пропустили человек пять, неплохо заработав.

Платили им за услуги и деньгами, и продуктами. Так прошло еще два месяца. Поток больных сильно увеличился – слухи о том, что появился сильный лекарь, берущийся и за безнадежные случаи, разошелся по всей округе.

Марьяна ворчала – работы прибавилось, и много сложной, а вот доходы выросли незначительно – сложная работа отнимала уйму времени, а оплачивать ее как следует у крестьян не было возможностей. Правда, появлялись и зажиточные клиенты. Конечно, не дворяне – им не по чину мотаться в какую-то заштатную деревеньку, в лесной хутор, – а вот купцы и проезжие люди стали заглядывать нередко. Большой тракт проходил всего в пятнадцати верстах от хутора. А на тракте всегда что-то случается: раны, болезни, роды и травмы.

С купцов уже целители брали более-менее справедливую цену, впрочем, особо тяжелых случаев там не было: больше колото-рубленые раны да патологические расстройства желудка. С ними Владимир научился работать уже на автомате, он мог пропустить уже десяток человек в час. Этот поток больных его тяготил, хотя он и понимал, что от его работы зависит и их благосостояние, будущее и здоровье многих людей. Впрочем, несмотря на чувство морального удовлетворения от хорошо выполненной работы, в глубине души он не особо вникал в проблемы этих людей – своих хватало. Видимо, у него выработался уже синдром врачей – отстраняться от людей, воспринимая их как объекты лечения.

В свободное от работы время Влад учился пользоваться магией, экспериментируя с ней, создавая различные структуры и смотря магическим зрением на предметы. Как оказалось, он может, напрягшись, погружаться вглубь любого материала, изменяя его свойства. Как это происходило, он не знал, но знал только одно – для изменения свойств материала нужно столько Силы, что у него с трудом хватало одного заряда магического узла.

Теперь он понял, почему Марьяна хмыкала, когда он говорил об изготовлении магических вещей, или вещей, свойства которых изменены с помощью магии, – все это требовало такого расхода энергии, что о том, чтобы кто-то мог это повторить, не могло быть и речи. Первое, что он попытался сделать, – нож с специальной заточкой и «мыльной поверхностью».

Для этого он вошел в структуру стали ножа и стал «требовать» от лезвия, чтобы оно уплотнилось на конце и приобрело толщину в молекулу. Магическим зрением было видно, что под большим увеличением лезвие представляет собой грубейший и рыхлый кусок металла, изборозженный многочисленными заточками. Владимир два часа сидел, добиваясь улучшения и укрепления лезвия, Сила вытекала из него бурным потоком и вливалась в нож.

Через два часа он обнаружил, что Силы у него уже нет, а нож готов только на треть. Он был ошеломлен – работать с неживыми предметами было очень сложно, гораздо сложнее, чем с живыми объектами. Нож он закончил только через неделю... Это было странное произведение – лезвие нельзя было удержать руками с двух сторон, оно все время выскальзывало, а острота его была такова, что им можно было спокойно нарезать стружку из лопаты, как из кожуры огурца. При этом занятии Влад был отловлен Марьяной и яростно выруган.

«Купи свое, а потом уродуй! Хорошая лопата была, а ты ее на лапшу пустил! Вот чем теперь всякое дерьмо закапывать?!» – и все в таком духе. Но в общем и целом результат она оценила очень положительно, только вот боялась этим ножом что-то резать – отхватить палец можно было так, что и не заметишь.

Влад посчитал, что на изготовление меча по подобной системе уйдет не меньше месяца, по два часа в день. На большее у него пока не хватало Силы. Впрочем, он заметил, что с каждым разом объем запасаемой им Силы увеличивается по мере ее исчерпывания. Марьяна это подтвердила:

– Я же тебе рассказывала, узел по мере использования развивается. А как ты думаешь, люди растут в Силе? Правда, это до определенной поры, потом почему-то все застопоривается и, сколько ни старайся, больше не поднимется. Видно, это зависит от свойств человека. Ну как один может бегать быстро, а другой нет. Один сильный, а другой и кадку поднять не сможет. Радуйся, что узел у тебя не застыл, есть шанс стать очень сильным магом!

Влад тоже на это надеялся. Ну, что он станет сильным магом. Он давно уже уяснил для себя, что только сильные могут выжить. Все равно – в том мире или в этом.

Каждый раз заполнение узла Силой занимало у него меньше времени, в сравнении с началом его магической деятельности, хотя и объем поступающей Силы увеличился. Владимир захлебывался удовольствием, качая Силу, но уже не терял контроля и следил за процессом. Он как-то уже сам чувствовал, когда его узел наполняется, и останавливал откачку. Он четко осознавал, что канал, соединяющий его с рекой Силы, расширился по сравнению с началом его обучения и все продолжает расширяться – тем больше, чем интенсивнее он тратит и зака-

чивает Силу. «Интересно, – думал он, – когда же все-таки остановится развитие? Эта чертова шаровая молния, забросившая меня сюда, сильно мне помогла в этом».

Жизнь продолжалась. В избушку в глубине леса шли потоком больные, лекари уже с трудом успевали справляться с наплывом, пришлось нанять себе прислугу – кухарку и помощника по хозяйству и уборке. На этом настоял Владимир – ему надоело каждый раз после операции и лечения вычищать рабочее место. Пришлось им заказать дополнительный операционный стол, потом еще один. Легких больных принимала Марьяна, тяжелых – Владимир. На выезды они не соглашались, хотя такие предложения поступали. Это занимало слишком много времени и не оправдывало себя – оплата в этом случае должна была превышать оплату на месте по крайней мере раз в сто, и пока желающих платить такие суммы не находилось.

Влад постоянно экспериментировал с предметами, например, его гордостью была нателенная рубаха, ткань которой он сумел уплотнить настолько, что она превратилась в броню почище кевларовой – топор, которым он попытался разрубить эту рубаху, сумел только загнать ее лезвием в пенек, так и не разрубив. Кстати, результат его напряг. Он представил, что ему рубанули топором в бок, прикрытый этой рубахой... Ну да, рубаху-то не прорубят, но вот многострадальному телу от этого не легче. И Сила тут никакая не поможет.

Впрочем, расспросив Марьяну, он кое-как выяснил, что в основном «в быту» здесь используются клинки типа катан – видимо, эта мода пришла с Востока, как и многое в стране. А катаны, как он знал еще по прежней жизни, на самом деле не предназначены для прямых рубящих ударов, как рыцарские мечи, к примеру, или мечи викингов, – ими наносились секущие удары, режущие. Кромка лезвия катаны представляет собой что-то вроде микропилы. То есть, когда воин наносил удар, он делал это «пилящим» движением, чтобы рассечь тело, прикрытое легкой кольчугой или кожаными доспехами.

Конечно, была тут и тяжелая кавалерия, с мощной броней, длинными копьями, но она уже стала выходить из моды лет сто назад – поджарить молнией тяжеловооруженного бойца было раз плюнуть. К тому же кони боялись пехоты, применяющей длинные тяжелые копья, упираемые в землю. Оставались лучники и легкая пехота в легкой броне. Ну а уж говорить о дворянах и не приходится – там дальше легкой кольчуги дело не пошло, глупо было бы таскать на себе груды железа. Так что удар катаны рубаха выдержала бы точно. Никакая катана не смогла бы «пропилить» ее до тела. Если только ее лезвие не обработано неким пришельцем из другого мира... Но таких, как надеялся Владимир, больше нет. По типу рубахи он обработал и штаны. После изготовления комплекта непробиваемого нижнего белья настал черед экспериментов и с человеческими телами.

Это проделывалось незаметно для объектов эксперимента, а иногда Владимир и сам предлагал им бесплатно исправить тот или иной дефект. Начал он с оттопыренных ушей, кривых носов, потом перешел на кривые ноги. Попался один пациент со сломанной в юности ногой, которая неправильно срослась. Владимиру пришлось заново ее сломать и срастить. Человек был очень удивлен, получив в довесок к вылеченному чирью прямую ногу.

Вокруг избушки целителей через полгода уже стоял целый лагерь ожидающих своей очереди на лечение. В основном это были уже богатые купцы с домочадцами, с которых лекари брали реальную плату – хоть и не тысячи золотых, но близко к этому. Крестьяне лечились просто так, бесплатно, но тогда, когда возникало «окно» между богатыми клиентами.

С одной стороны, это было печально – как всегда, бедные оказывались на задворках жизни, с другой – целитель имел право принимать тех клиентов, которых ему хотелось, и отказывать любому в лечении, тем более что бедные обслуживались бесплатно. Даже при тяжелых случаях. Нередко было так, что богатый клиент отставлялся в сторону ради бесплатного, но которому требовалось спасти жизнь. Денег у целителей теперь хватало, в тайничке под полом домика хранилось уже не менее пятидесяти тысяч золотых, и Владимир стал опасаться грабителей. Пришлось нанять охрану из гильдии наемников, и их охраняли круглосуточно десятков

бойцов. Они вроде бы отдыхали, но в случае тревоги могли в считанные минуты встать «под ружье».

Влада уже давно тревожила мысль о том, что слишком все гладко происходит: они тут развернули бурную деятельность, получают очень хорошие доходы, – кому-то это должно очень не понравиться. Или наоборот... В его памяти лихие девяностые не прошли бесследно, так что Владимир просчитывал ситуацию на раз. Она вообще была какая-то странноватая.

Со слов Марьяны, каждый практикующий магик должен состоять в гильдии, чтобы практиковать. Но она почему-то не состояла, однако практиковала. Почему? Как это могло быть? Он задал ей этот вопрос, и ответ оказался неожиданным: оказывается, они жили на земле, принадлежащей графу Савалову. Чтобы поселиться на этих землях, Марьяна получила разрешение от управляющего графского поместья и платила налог пять золотых в год. Фактически это составляло десять процентов от заработка крестьянской семьи. Не сказать что высокий налог, но и не малый. В этом случае графу была двойная выгода – и прибыль, и обслуживание крестьян в округе. А рачительный хозяин заботится о своем имуществе.

– Почему ты мне не говорила, что платишь графу?

– А зачем? Что бы это изменило? Ну вот, я сказала тебе – и? Везде надо платить за то, что ты живешь. Тут тихо, спокойно... было. Теперь все изменилось. Я сама не знаю, во что это выльется. Не хотела тебя расстраивать.

– Я что-то подобное предполагал. Как только слухи о клинике дойдут до графа, скорее всего, наша спокойная жизнь кончится. Пятью золотыми не отделаемся. Заставят платить как следует или задушат. Ты какой-то договор подписывала?

– Хм... нет. Кто знал, что так все будет?

– Марьян, ты лохушка. И не спрашивай, что это такое. То есть теперь понятно, нас в любой момент можно согнать с места или обложить такой данью, что мы взвоем. Интересно, сколько у нас времени до того, как нас прижмут...

Они задумались. За окном уже стемнело. Мир был укрыт белым снежным одеялом – зима. Прошел охранник, обходя территорию. Из пристройки, где жили охранники, слышались веселые голоса и шум – там что-то отмечали. Избушка изменилась – вместо топчанов стояли хорошие кровати с пуховыми перинами, большая комната была разгорожена на две поменьше и кухню. Все сияло чистотой и достатком.

Владимир с грустью осмотрелся. Неужели все придется бросить? Он как-то уже привык к этой жизни. Пошел третий год его пребывания в Мире, они многого добились, и добились бы еще, но... как говорили в мире Владимира: далеко пойдет, если не остановят. С Марьяной они как-то сроднились – она была ему кем-то вроде старшей сестры, если забыть, что ей сто двадцать с лишним лет. Физически она выглядела лет на пятьдесят пять – шестьдесят, и он воспринимал ее соответственно.

– Влад, я все хотела с тобой поговорить... Ты почему все без женщины?

Владимир поперхнулся:

– Марьян, где я женщину тут добуду? Ты чего несешь-то?

– Влад, извини, я сперва подумала, что, может, ты вообще мужиками интересуешься, потом вижу – вроде нет, глазом на женщин косишь. Я уж не знаю, что и подумать, только мужику без бабы нельзя, это ненормально. От этого проблемы со здоровьем могут быть, понимаешь?

Владимир помолчал...

– Да понимаю я. Я в своем мире книжку одну читал, ее баба написала...

– Баба? Правда, что ли? У вас бабы книжки пишут?!

– Да. Ну баба, ну книжку – чего такого. Там речь шла о некоем воине, очень сильном и умелом, и вот он там ходит по миру, у него множество приключений, и всех побивает... только вот бабы нет. Я всегда подозрительно относился к таким героям – как он годами без бабы-то?

У нас умные люди говаривали, что, если мужик до тридцати лет не женился, у него крыша едет. Хм, ну то есть с ума немного сходит он... Все время забываю, что ты не из моего мира.

– Забавные у вас выражения, надо же, крыша едет... Надо запомнить. – Марьяна посмеялась, встала, взяла с печи чайничек и подлила себе и Владимиру травяного отвара. – Вот я о том тебе и говорю: тебе баба нужна, регулярно. Как-то не хочется тебя лечить. И как ты почти три года обходился? Ладно, как ты говоришь, «замнем» этот вопрос. Надо думать, что и как. Я предлагаю присмотреть какую-то девчонку или какую-то вдовушку в деревне, пусть приходит к тебе. Будем платить ей... ну как прислуге... Ну побольше немного. Нечего баловать особенно-то... В деревне за счастье – дополнительный приработок. Пусть еще и прибирает за тобой, стирает, постель стелет... хе-хе-хе... – захихикала Марьяна. – Ты у нас мужчина видный... Завтра схожу в деревню, поговорю со старостой, пусть кандидаток подберет. Смотрины устроим... хе-хе-хе – все развлечение. А то только гнойники да уши оттопыренные. Как ты, не против?

– Марьян, ну ты зараза. Да почему бы и нет, – решил Владимир, – тоже как-то не по себе без регулярного секса.

– Чего? Что такое секс?

– Ну это у нас так называют то, что делают мужчина и женщина... Только это, Марьян, нам как-то последствий не надо, да? Толпу спиногрызов нам тут не надо же?

– Кого?! – поперхнулась целительница. – Что за... а, поняла. Да давно уже есть типа заклатья. Наложил – и на полгода никаких последствий. Думаешь, я не додумалась бы?

– Ты меня давай научи, пригодится, – покосился Владимир. – Знаешь, почему я так долго мог обходиться без баб? Так, давай не ржать – это не то, что ты подумала, и девственность овец тоже не нарушена. Понимаешь, когда я припадаю к реке Силы, я получаю такое удовольствие, что это сравнимо с сексом... аж самому страшно – хочется никогда не отрываться, черпать, черпать... Знаешь, у нас проводили опыты ученые, изучали мозг, а тренировались на крысах. Как бы тебе доступно объяснить... в общем, им в мозг засовывали такие штучки, электроды называются, а совали их в то место, где они нашли такой центр удовольствия. Раздражишь его и получаешь удовольствие по типу оргазма, ну это удовольствие от секса. Раздражение центра удовольствия шло по проводкам... это веревочки такие, а по ним заклатья раздражающие идут. Нажал педальку маленькую – заклатье пошло в мозг, центр удовольствия раздражился, хозяин мозга получил удовольствие. А педалька была в клетке крысы. Так вот, крыса могла сама нажимать на нее... и нажимала. Пока не умирала от голода и жажды. Все нажимала, нажимала, нажимала... Вот так же с той рекой – хочется не останавливаться и черпать, черпать...

– Я поняла, о чем ты говоришь. – Марьяна нахмурилась и задумчиво стала водить рукояткой ножа по лужице пролитого чая, выводя какие-то непонятные узоры. – Я этого боялась после нашей первой пробы. Помнишь, как я тебе по носу заехала?

– Еще бы не помнить, – хмыкнул и поморщился Владимир. – Так врезала, что через двадцать лет помнить буду.

– А по-другому нельзя было. Ты сам это понимаешь. Слава богу, понимаешь. Ладно. Хватит. Давай спать, и завтра будем решать. Гаси свой фонарь.

Целители разошлись по своим закуткам, Владимир на ходу, уже не глядя, махнул рукой и погасил светляк, сияющий над головой, перекачав Силу в магический узел. Он лег на кровать, закрыл глаза и стал думать – спать еще не хотелось, и он решил потренироваться в управлении телом.

Марьяна ему рассказывала, что делать что-то со своим телом невозможно, мол, это все равно как тянуть себя за волосы из болота. Но так ли это? Уровень каждого магика можно определить по сиянию ауры, Марьяна говорила, что он светится как его светляк, любой магик за версту его увидит. Так что магический узел напрямую связан с аурой? Ну да. Так и есть. Подпитывая свою ауру, он одновременно подпитывает магический узел. То есть получается:

сколько втекает в резервуар ауры, столько же вытекает из него. Что-то вроде сообщающихся сосудов. Воздействуя на свою ауру, маг фактически через нее перекачивает Силу опять в магический узел. Итак, чтобы воздействовать на себя, надо как-то закрыть каналы оттока Силы от ауры.

Владимир сосредоточился и стал смотреть на себя магическим взглядом... Тело сияло в пространстве, в ауре перетекали красные, синие, зеленые потоки, ведущие к органам. Он понимал подсознательно: вот этот поток – работа печени, она сияет здоровым светом, розовеет (он отметил с удовольствием: вот результат трезвой жизни), почки розовые, но с небольшой чернотой... Он не удивился, в юности он узнал, что некоторым образом он... мутант – у него четыре почки. Такое бывает, нечасто, но бывает. Увы, удовольствия это не приносит, как и пользы. Сердце работало четко, в шейном отделе было черное пятно – остеохондроз, левое плечо пульсировало черно-красным – воспаление связок и сустава, давнее, вялотекущее, он боролся с этим уколами и гелями уже несколько лет.

Владимир всегда вспоминал пословицу: «Если после пятидесяти ты проснулся и у тебя ничего не болит – значит, ты умер». У него это началось после сорока: все травмы, все повреждения, все переохлаждения и микросотрясения головы, накопленные за годы жизни, – все начало вылезать наружу. Он осмотрел свое тело внутренним взором и заметил множество ниточек, тянущихся от участков ауры по направлению к солнечному сплетению... Так вот как аура соединяется с магическим узлом! Он специально зачерпнул из узла Силы и выпустил ее в ауру – она засияла гораздо ярче. Потом стала тускнеть, тускнеть... и вошла в прежние границы. Так. Сила вернулась назад, практически не задерживаясь. Чтобы Сила не откачивалась, надо перекрыть ниточки-каналы.

Владимир сосредоточился... Раз, два, три – каналы стали закрываться один за другим. Он не видел, как это происходит. Но знал – происходит. Потом стал черпать Силу из узла и подпитывать почки. Он мысленно задал программу – две поврежденные почки должны были увеличиться и стать нормальными. Шли минуты – две, пять... пятнадцать – наконец он заметил, что две лишние почки стали расти, расти...

Он вмешался в программу и расширил протоки, по которым кровь приходит и уходит из органов. Фактически он удвоил очистку крови, прикинул – дал задание организму увеличить эффективность работы почек и увидел, как они немного укрупнились. Осмотрел тело – вреда организму не было. Странно, ведь увеличение почек могло произойти только за счет остальных органов... Нет, видимых повреждений он не обнаружил.

Затем он обратился к голове, но в мозг лезть не стал – занялся зубами. Выплюнул слетевшую коронку – новый зуб прорвал десну, наполнил голову болью... Владимир молниеносно отключил болевые ощущения, перевел дух. Все-таки с зубной болью ничего не может сравниться. Новые зубы вставали на месте старых, а те падали на пол, как косточки от мандаринов. Проверил – ресурсы организма держатся.

Теперь – к лицу: убрал мешки под глазами, двойной подбородок (впрочем, его уже почти не было – Владимир сильно похудел после перелета в этот мир, но жировые клетки-то остались, он и их удалил, и клетки рассосались, пополнив резервы химических элементов). Спустился ниже. Шея. Удалил отложения солей, наросты на костях – очень аккуратно, не дай бог повредить позвоночный столб, станешь инвалидом. Спускался ниже, ниже, походя устранив начинающиеся болезненные процессы в поджелудочной железе. С боков и на животе удалил жировые отложения, брюшные мышцы, растянутые поднятием тяжестей, он укрепил наращиванием новых, пока они не стали выглядеть, как у Геракла.

Подумал, вернулся выше и стал наращивать мышцы рук, плечи, дельтовидные мышцы, формируя из них определенную фигуру – ту самую статую Геракла, только более молодой ее вариант. Сила качалась из узла, как из шланга, но переделывать себя оказалось труднее, чем других.

Он проверил свои резервы химических элементов: ничего страшного – все, что он удалял, растворялось в организме, в крови, потом опять использовалось при строительстве. Сформировав плечи, грудь, живот, спустился ниже... Хихикнул про себя – вроде бы тут все в порядке, женщины не жаловались... Потом вернулся и все-таки нарастил три сантиметра: это пункт большинства мужиков – у кого длиннее.

Ноги рельефились мышцами, кости, битые-перебитые, освобождались от солей в суставах, укреплялись... Вернулся к коленям – устранил красное свечение с темными прожилками – больше щелкать не будут. Осмотрел себя: лет на тридцать, не больше.

Но тут же мысленно сплюнул: какой там на тридцать! Седая борода, волосы как будто подернуты инеем. Дал импульс, и на глазах волосы стали темнеть, темнеть... Упс, вот теперь тридцатилетний... причем заросший по самые глаза мужик. Показалось или нет? Волосы бороды и головы вроде бы стали гуще? Нет, не показалось... Борода по самые глаза. Ну черт с ней, побреюсь. Взял и как невидимым ножом прошелся по щекам, так же подровнял волосы на голове. Ага, теперь стал выглядеть благообразно.

Осмотрел еще раз тело: кое-где увидел красно-черные свечения, то ли в желудке, то ли в кишечнике, – направил поток энергии в очаги, и свечение стало гаснуть. Теперь аура сияла гармонично. Порядок.

Проверил узел Силы – еще процентов двадцать есть. Подумал немного. Как бы еще увеличить скорость восприятия, то есть реакцию? Иначе говоря, скорость прохождения сигналов от рецепторов к органам. Что надо сделать, чтобы она возросла? Расширить каналы, подводящие сигналы к органам, – как бы сменить проводку: вместо одного квадрата поставить провод в четыре квадрата.

Владимир напрягся... Внутренним взором он увидел, как нервы стали утолщаться, почему-то появились дополнительные окончания. Он не задумывался – для чего это. Занятия магией уже научили его: чтобы добиться результата в магии, не нужно задумываться, *как* это получается, нужно думать, *что* сделать, чтобы оно получилось, хотеть этого, управлять своей волей.

Человеку технологического мира, осведомленному о причинах многих протекающих процессов, трудно привыкнуть к мысли, что результат зависит от определенных манипуляций. В этом есть что-то родственное вере, когда просто веришь, не требуя объяснений и расшифровки. Самое главное в деле, которым он занялся, – наличие достаточного количества Силы и желание. Остальное неважно. Через полчаса нервы во всем теле увеличились в размере и приросли новыми ответвлениями.

Владимир задумался. Если скорость реакции возросла, значит, нагрузка на мышцы, связки тоже, – как бы связки не порвались. Он дал команду связкам стать толще и прочнее. Как ему это удалось, он и сам не знал. Было желание, чтобы они стали крепче раз в двадцать, как минимум... по максимуму, в общем. Связки стали утолщаться, прирастать к костям – через полчаса процесс завершился. «И сказал Он, что это хорошо...», но можно и лучше.

Так, что имеем? Усиленные мышцы, усиленные связки и нервы. Рванут – а кости-то выдержат? Хм, задача. Не выдержат. Свои же мышцы переломят кости, как спички. Что с резервом? Так, пора подключиться к реке – Силы не хватает. Затянулся процесс. Вычерпал узел.

Владимир вошел в черноту. Река плескалась рядом, ласковая, горячая, он потянул каналами Силу... Каналами? Откуда еще канал? Их два! Похоже, в процессе занятия у него возник еще один канал. Интересно...

А я могу Марьяне прирастить каналы? Надо будет поговорить с ней. Ах, как сладко наполнять узел! Все – шабаш! Чуть не трескаюсь от энергии. Сразу вспоминается кулак Марьяны... Крепкая бабуленция – урезала, как срезала.

Сила хлынула в узел, наполняя тело эйфорией, легкостью, смывая усталость. Любопытно, а можно ли установить непрерывную подкачку Силы, поставить что-то вроде клапана? Как наполнился узел – перекрыл. Но это потом когда-нибудь. Надо с телом закончить.

Он остановил закачку Силы и снова занялся телом.

Что можно сделать с костями? Попробовать их уплотнить, как с тем ножом? Ну не до конца, времени не хватит... Впрочем, надо попробовать, может, быстрее выйдет? Команда в ауру... Аура замигала, сияющие ручейки потекли в тело... Подкачал. Силы. Подкачка, подкачка... Сила льется в ауру, как из крана смесителя. Хм, что там с костями? Ну, внешне ничего не видать... Стоп! Что-то происходит. Блеск какой-то странный, матовый. Вообще процесс идет бодро. Опасно только – не навредить бы. Установка: «Не навредить!» Немного затих процесс... Продолжается, но медленно, как сканирование компьютера антивирусной программой. Похоже, по ходу дела удаляет ошибки строения. Надо признать, человеческое тело, при всей его сложности, довольно несовершенно. Чуть что – разлад, чуть что – повреждение.

Упс... с костями вроде закончилось. Сила больше не убывает, аура сияет. Осталось? Хм, опять двадцать процентов. Это при таком-то запасе! Все непросто. Так, осмотрелся: убрать шрам на пузе от аппендицита – есть!

Так, а если сделать автоматическую подкачку ауры из узла, замкнуть ее на организм и установить программу на восстановление нынешнего состояния тела? Смотрим... Ага, каналы на органы, так, фиксируем нынешнее состояние: «Органы! Остаться в нынешнем виде!»

Ой, болван! Ты что, забыл?! А глаза-то, старческая дальнозоркость!.. Какое слово-то гадкое – «старческая»... Убрать дальнозоркость! Есть! Процесс пошел. Хрусталик очистился... хм, мало. Видеть в темноте! Видеть, как в морской бинокль, до горизонта!.. Стоп-стоп, внешне чтобы ничего не отличалось от прежнего облика. Есть! Что-то получилось! Теперь – защиту на глаза! Наподобие стальной прозрачной брони на роговицу, только чтобы опять же было неотличимо от оригинала. Ага, какая-то пленка затянула, толщиной в несколько молекул. Сделано!

Сохранить – перезагрузка программы – сохранить в нынешнем состоянии. Осмотрелся. Каналы к узлу открыл, подождал... Никаких изменений. Все функционирует нормально. Вышел из транса. Осмотрелся, ощупал себя... В темноте не видно, что получилось. А за окном уже сереет... Всю ночь себя правил, надо покемарить хоть пару часов.

С этими мыслями Владимир провалился в сон, не прерываемый никакими сновидениями.

Глава 3

«Утро красит нежным светом стены древнева-а-а Кремля! Просыпается с рассветом вся Советская земля-а-а-а!» – Владимир хлюпал водой над кадушкой, кухарка Фекла поливала ему на голову, на плечи, странно и явно испуганно таращась.

Он покосился на нее и с недоумением спросил:

– Ты чего вытаращилась на меня, как на морского змея? У меня что, хрен на лбу вырос, что ли?

Фекла неловко выронила ковшик, подхватила и выбежала из избы, хлопнув дверью. Мужчина пожал плечами, вытерся расписным рушником, натянул рубаху и сел за стол.

Судя по ощущениям, время приема больных было уже близко. Марьяна где-то возилась во дворе, слышался ее голос, распекающий кого-то из охранников. К голосу Марьяны присоединился и голос Феклы.

Он уселся за стол, налил в деревянную расписную чашку травяного отвара, который тут был вместо чая. «Кстати, а чего они тут чая не пьют? Может, пьют, да не тут, в глубинке? Надо будет спросить», – подумал он, размешивая в чашке иссиня-белый тростниковый сахар, кусочек которого перед тем отбил от головки ножом. Прихлебнул, потом отпил от куса окорока тоненький ломоть – он всегда упрекал дома жену, которая норовила нарубить колбасу или копчености крупными кусками.

«Кусочек, – говорил он, – должен быть тоненький, чтобы просвечивал, так же вкуснее». При этом он обычно упрекал жену в том, что она, такая-сякая, выросла в Динамовском переулке, дескать, колхозница, лазила по помойкам. На что жена всегда возмущенно отвечала, что она ни по каким помойкам не лазила и что у них был дом со всеми удобствами, а вот он сам – колхозник, который учился в Ащебутакской средней школе.

Ну, большому куску рот радуется. В общем, это была обычная шутливая пикировка, не перераставшая в семейный скандал.

Запивая бутерброд чаем, Владимир задумался, вспомнил дом и загрустил. А где он теперь, дом-то? Что там? Как они там без меня? Настроение у него окончательно испортилось, и, когда в избу ворвалась Марьяна, он уже был на взводе и встретил ее угрюмым вызывающим взглядом. Она остановилась на пороге, вытаращившись на него, как недавно Фекла.

– Влад, это точно ты? – Марьяна опустила на табуретку, стянув с головы платок и задыхаясь от бега. Ее глаза ощупывали Владимира с недоверием, цепко и внимательно останавливаясь на частях тела.

– Да я... ты чего? А-а, вот я болван! Марьян, я ночью экспериментировал со своим телом, что, заметно? Ну-ка, ну-ка, где у нас зеркало? – Владимир прошел за печку, там висело большое зеркало, и с интересом стал разглядывать себя.

Он увидел чернобородого, почти брүнета, мужчину лет тридцати, с густой, но оформленной по краям бородой, крепкими жилистыми руками. Самое главное – в волосах не было ни одного седого волоса. Он стянул рубаху, приспустил штаны – шрамов не было, посмотрел на локоть правой руки – след от ножа остался. Ну да, он же его не удалял – забыл. Привет из девяностых... На животе тоже теснились кубики, кубики, кубики, – в общем, он себе понравился. Хорошо поработал. Мышцы на теле выглядели рельефными, выпуклыми, но это была не такая мощь, как у статуи Геракла, на которую он ориентировался, а что-то живое и пластичное, как у пантеры или гепарда. Сзади незаметно подошла Марьяна и хлопнула его по голому заду.

– Да-а-а, хорошая задница.

– Так, без рук, я с бабульками не сплю! – Владимир натянул штаны, и они с Марьяной дружно засмеялись. Настроение у него сразу улучшилось.

Они пошли к столу, сели. Владимир продолжил завтрак, а Марьяна стала жадно расспрашивать его, как он все это сумел сделать. Как мог, он объяснял, она впитывала знания, потом грустно сказала:

– Только ты, с твоим запасом Силы, мог такое сотворить... Ты хоть понимаешь, что это невозможно? То, что ты рассказал мне? Смотри никому больше не рассказывай. Феклу я предупрежу, скажу, что ты волосы покрасил, или еще что-то придумаю. Сегодня поеду в деревню, буду тебе наложниц искать. Иди, начинай прием, до обеда ты сам будешь, один будешь принимать. Я к полдню подъеду. – Марьяна накинула на голову плат, привычно подвязала его и вышла из избы, впустив облако ледяного морозного тумана.

Влад допил чай, потянулся, расправил плечи. Потом немного подумал и шагнул к столу... Взял в руки острый хлебный нож, заблокировал боль и резанул по запястью, приговаривая:

– А вот сейчас прове-е-ерим... прове-е-ерим...

Нож был острым, он рассек кожу, мясо и углубился почти до кости. Из руки брызнула кровь, густыми и частыми каплями закапавшая на чисто отскобленные половицы, подбираясь к узорчатому половичку.

Он отодвинул ногой половичок, чтобы не запачкать, отвлекся от раны, а когда опять посмотрел на нее, обнаружил, что она затягивается, рубцуются... Через минуту на ее месте возник красный рубец, как будто рана была нанесена год назад, а через еще минуту на месте шрама осталась только чистая кожа. Влад был очень доволен – его система регенерации работала без его надзора. Теперь было даже непонятно, какая травма могла бы стать для него смертельной, – только если голову отсечь?

Впрочем, задумываться над этим у него не было желания, пока не было. «Будет день, и будет дело», как он говаривал частенько, а пока надо хлеб насущный зарабатывать, чтобы химические элементы вливались в тело легко и приятно.

Он как-то спросил Марьяну: «А почему сильному магу нельзя, к примеру, создать кучу золота? Сотворил, ну и живи себе в удовольствие». На что получил четкий ответ, что все не так просто: «Ты же пробовал заниматься с мечом. Помнишь, как он сопротивлялся изменениям в его структуре? А тут преобразование одного металла в другой, и еще: ну, допустим, какой-то маг, обладающий большим ресурсом, все-таки решил сделать кучу золотишка – ан нет. У каждого продавца есть амулет, определяющий происхождение золота». Магическое золото было запрещено к хождению, как фальшивые деньги в мире Владимира. Поймают – результат известный. Будут травить как бешеную собаку. Как он понял, это охраняло права государства, прерогативой которого, как и везде, являлось печатание и чеканка государственных денег.

В целом это был для него вопрос чисто теоретический. Усилия по созданию кусочка золота не стоили его самого. Можно было, являясь сильным магом, спокойно зарабатывать, используя свои силы, нежели тратить время на создание бесполезного золота, которое еще и невозможно использовать по назначению. Те амулеты, что применялись для определения подлинности золота, кроме того, и в основном, служили для снятия иллюзий с тех же монет. Ну а вдруг какой-то маг пожелает, чтобы медяшка выглядела как золотая монета, – разорение продавцу. И опять же на голову мага-фальшивомонетчика вылились бы ушаты неприятностей. В очередной раз Влад подивился: вроде и возможностей у магов много, но ограничений куда больше. Особенно не пошалишь.

У клиники толпился народ, Владимир осмотрел клиентов, спросил:

– Срочных нет? Никто не помирает?

Очередь недружно отозвалась:

– Не-е-ету-у-у...

– Ну тогда по очереди заходите.

Он вошел в клинику, снял тулуп и повесил его за печку. У высокого потолка находился магический светляк с футбольный мяч, прямо над операционным столом. Стол, похожий на

стол патологоанатома, целители выписали из столицы по специальному заказу. Его сделали по чертежу Владимира, и он стоил довольно больших денег. Зато его было легко мыть, чистить, при нем имелась специальная полочка, куда клали инструменты для операций. Когда целители начали заниматься переделкой внешности людей, старые методы работы уже не подходили.

Первой вошла девушка с переломом руки, по виду купеческая дочь, представителей купеческого сословия уже довольно много посещало клинику. Перелом был залечен за пятнадцать минут, что обошлось больной (вернее, ее отцу) в десять золотых. Следом за ней переступил порог крестьянин, травмированный бревном на стройке, с переломом ребер и ноги... Этот был бесплатным, хотя и возиться с ним пришлось подольше. Ну что делать – издержки профессии. Типа социальная помощь, как думал Влад. Третьим тоже был крестьянин, он занес в комнату маленького ребенка, который, как оказалось, провалился под лед и сильно простудился – похоже, воспаление легких.

Владимир положил малыша на простыню, расстеленную на столе, и стал концентрироваться на лечении... Тут дверь распахнулась, как будто ее ударили ногой (скорее всего так и было), и в комнату ввалился здоровенный жлоб, в распахнутой богатой шубе, благоухающий запахом водки и чеснока. Он победно осмотрелся, увидел сидящего на скамейке мужика и с ходу заявил:

– Эй ты, мурло сермяжное, бери своего ублюдка и вали отсюда. Микула Селянинович сейчас будет с лекарем толковать!

Мужичок испуганно поднялся, нахлобучил шапку и вышел. Владимир продолжал сканировать взглядом мальчишку, тот тяжело дышал и весь горел. У него были задеты воспалением обе доли легкого. Еще бы пара дней – и ребенок умер.

– И ведь спрашивал же: есть кто помирающий? – возмутился Владимир. – Держали пацаненка на морозе... Ему из хаты-то вылезать нельзя... – Целитель в трансе потянул руки к ребенку, его Сила стала вливаться в ауру больного, и черно-красное свечение в легких начало отступать, отступать... еще чуть-чуть и... Тут процесс был нарушен грубым рывком за плечо:

– Ты что, лекаришка, не видишь, что к тебе уважаемый человек приехал, совсем страх потерял? Вместо того чтобы встретить как полагается, с каким-то щенком занимаешься? Давно плетью не охаживали? Чего красный такой сделался, обгадился, что ли? – Он стал гулко смеяться, трясясь толстым животом...

Владимир стоял ошеломленный. Он от ярости не нашелся, что сказать, и лишь таращил глаза на наглого посетителя. Сколько, ну сколько он насмотрелся на таких в своем мире! Хамы, готовые размазать, как плевок, тех, кто, как они считали, находится на ступеньку ниже на социальной лестнице. Владимиру пришлось некоторое время поработать в такси – вот где он насмотрелся на таких. Последнего он выбил из машины ногой и навсегда зарекся работать в сфере услуг, чтоб как-то ненароком не совершить убийство.

Он посмотрел на мерзкую рожу хама, тот что-то говорил, что именно – Владимир не слышал, наверное, гадости. Потом негодяй размахнулся нагайкой и попытался ударить лекаря. Владу показалось, что тот двигался медленно-медленно, как под водой, напомним ему эпизод из старого фильма «Двадцать тысяч лье под водой», где героям приходилось перемещаться, преодолевая давление толщи воды... Рука с нагайкой приближалась к нему – он отодвинулся чуть в сторону, пропуская плеть, нападавший провис всем телом, вложив в удар свою массу, и тут Влад выставил вперед раскрытую ладонь и прямым ударом расплющил нос противника, задрав его голову. Тот выронил плеть, зажал сломанный нос, из которого текли ручейки крови, и завыл. Владимир открыл входную дверь и пинком отправил тушу за порог.

Нахал снес еще пару человек, воткнулся в плетень, завалив его, и застыл, подвывая, на месте. Потом, пятясь как рак, он пополз куда-то в сторону. Владимир закрыл дверь, не обращая внимания на испуганные лица в очереди, и опять отправился к больному пацану. Тот так и лежал на месте, введенный в транс руками лекаря. Влад посмотрел на его ауру, на легкие,

потом доделал начатое, устранив последние очаги воспаления, подкачал Силы в ауру и вывел мальчишку из оцепенения.

Ребенок ошеломленно глядел голубыми глазками на лекаря, не понимая, как и где он оказался. Когда его принесли, он был в беспамятстве от горячки. Владимир натянул на него тулупчик, замотал опять в шаль, в которой он и был доставлен к лекарям, и вышел на крылечко клиники.

– Забирайте огольца. Где папаша?

– Тут я! – Папаша перехватил мальчишку у целителя и спросил: – А что мы вам должны, господин лекарь?

– Да ничего... Ну принеси, если что, крынку сливок свежих, люблю с чаем их... А денег не надо. Следи за пацаном.

Крестьянин низко поклонился Владу, потом вдруг зашептал:

– Вы поосторожнее, господин лекарь! Это нехороший человек – он богатый купец, говорят, и краденое скупает, у него много друзей и у разбойников, и охрана своя из разбойников бывших... Вы уж поостерегитесь.

– Да поостерегусь... – Владимир задумчиво прошел в дом.

Вот и опробовал свои новые возможности. Не ожидал от себя такой прыти. Как бы правда по полной их не испытать. Похоже, бугай-то непростой. Он задумался, потом приоткрыл дверь и кликнул нового больного. День опять вошел в привычное русло.

После полудня он решил взять перерыв, закончил с последним больным и побрел к дверям своей избушки, объявив очереди, что будет обедать, чего и им желает. А через часок подойдет, даст бог. Очередь немного погудела, не решаясь противоречить лекарю, и разбрелась по повозкам – кто к простым саням с соломой, а кто к расписным, укрытым дохой возкам.

Владимир вошел в дом, Фекла поставила перед ним чашку со щами, сваренными из свежей капусты. Других он не признавал, щи из кислой капусты напоминали ему студенческую юность и отдавали помоями – так ему казалось, о чем он всегда заявлял Марьяне. Она, кстати, задерживалась, хотя давно уже должна была приехать.

С наслаждением дохлебав первое и обглодав мосол, Влад съел еще пару блинов с медом и откинулся на спинку стула, купленного у настоящего мебельного мастера – пусть и не такого, как Гамбс, но вполне достойного.

На кой черт зарабатывать деньги, если нельзя наслаждаться тем, что они дают? С этой точкой зрения он давно ознакомил свою компаньонку, и с тех пор их хозяйство сильно расширилось, начиная от свиарника (это было идеей Марьяны, а Влад сдался только под градом долгих уговоров и причитаний, он был против того, чтоб держать домашнюю скотину) и кончая различными пристройками к дому. Это и общежитие охранников, и расширенное помещение клиники. В дальнейшем он хотел перестроить и избушку, разделив ее на две половины – ну не бедняки же они, чтоб жить в одной комнате, в конце-то концов.

Что, денег мало зарабатываем? Этот аргумент был убойным и хорошо действовал на Марьяну, которая сразу остывала. Средств у них хватало на все прихоти, и она лишь по привычке твердила о черном дне и зачачках. Их достаток, она прекрасно понимала, был заслугой Владимира, который брался за самых безнадежных больных, а кроме того, увлекся пластической хирургией.

За окном зашумели, кто-то начал взволнованно что-то говорить. Владимир вышел из расслабленного состояния и замер – он почувствовал какую-то тревогу. Давно у него не было такого предчувствия беды.

Он поднялся, надел тулуп, меховую шапку и вышел во двор. Там крестьянин что-то взволнованно рассказывал начальнику охраны Семену, сорокалетнему тертому и выдавшему виды мужику, облаченному в кольчугу поверх теплой поддевки и шапку-шлем с лисьими хво-

стами, свисающими со стального купола. Его жилистая рука сжалась на рукояти сабли так, что побелела, он угрюмо дослушал крестьянина, коротко кивнул и быстро подошел к Владимиру.

– Беда у нас, Влад. Ты утром одного ублюдка вышиб из клиники, мне рассказывали... Так вот не простой он оказался, типа князька у местных разбойников. В общем, они Марьяну захватили, когда она из деревни возвращалась. С ней Петька был, так его, похоже, положили... Они через крестьянина передали, чтобы ты в деревню ехал, к церкви. Там тебя ждать будут. Иначе Марьяну убьют. Что делать-то будем?

– Объяви народу, что сегодня приема не будет. Сколько у нас человек есть?

– Теперь девять осталось, вместе со мной.

– Двух охранников тут оставить надо. Пусть приглядят за домом – вдруг кто подпалить захочет...

– Влад, там их тридцать человек, понимаешь? Мы все там поляжем!

– А что, надо полечь Марьяне и мне? Ты вроде нанялся на службу, телохранителем, гильдия гарантировала, что ты специалист, так отработывай, елы-палы! – внезапно рассердился Влад. – У них магик есть?

– Нет, – обреченно сказал Семен. – Так все равно их магией нельзя бить, потом только хуже будет. Да и не осилить их магией. Для этого магистра надо привлекать, а у них наверняка и амулеты защитные есть. Обычно у охранников богатых всегда такие амулеты имеются.

Влад хмыкнул про себя. Вообще-то интересно: применять магию против этих головорезов нельзя, однако амулеты против магии у них были. Как всегда, закон как дышло – кому надо и магией врежет, а потом отговорится, или концы в воду. Но тут это не прокатит – слишком много народа знать будут.

– Ладно, давай не хорони всех раньше срока, все образуется. Только бы Марьяна жива была... Я сейчас домой, чистое белье надену – помирать, так хоть в чистом! – Влад усмехнулся краем рта, глядя на еще больше вытянувшееся лицо Семена. – Давай народ собирай к походу. Я скоро.

Он шагнул в дом, быстро скинул с себя шубу, верхнюю рубаху и портки. Раскрыл сундук, достал нижнее белье, над которым он поколдовал, и переоделся в это «кевларовое» непробиваемое. Затем снова натянул рубаху, портки, надел валенки – в них ходить было очень удобно, они не скользили на льду, что было очень немаловажно. Подумал и достал свою теплую куртку, в которой он перешел сюда из своего мира – на ее плече была небольшая дырочка, с ноготь мизинца, там, где прошла шаровая молния, а так куртка была цела, – затянул молнии и посмотрел в зеркало. Странно так – как будто и не проваливался никуда... Впрочем, темная шевелюра без единой седой волосинки доказывала обратное – все это ему не приснилось.

Попрыгал на месте, помахал руками – ничего не стесняет, ничего не жмет. Он стал немного полегче и похудее, чем был когда-то, хотя в плечах куртка оказалась теперь тесновата. Но Владимир подозревал, что скоро ему будет не до куртки... Он достал вязаную шапочку, натянул ее на голову... Снова посмотрел на себя – и накатила тоска по дому. Он за свои пятьдесят лет не так уж часто надолго уезжал из дома и всегда знал, что вернется. А теперь? Он осмотрел дом, стены, теперь покрытые вагонкой и затянутые тканью, немного нелепую русскую печь, с чугунами и ухватом на фоне шелковых обоев и лакированного стола из вишневого дерева, потом перекрестился и решительно вышел на крыльцо.

Во дворе стояли восемь человек.

– А почему восемь? – посчитал Владимир.

Семен удивленно осмотрел его наряд и нехотя угрюмо пояснил:

– Один отказался. Говорит, на верную смерть не пойду. Мол, за те гроши он не подряжался воевать.

– Остальные бойцы потупились в снег, ничего не говоря, но молча соглашаясь с командиром.

– Ну что же, он уволен. Я позабочусь, чтобы в гильдии узнали о его решении и больше не нанимали даже сортир охранять. Тем, кто остался, по окончании дела месячный оклад в виде премиальных.

Бойцы немного оживились. На их лицах появилось выражение надежды: дескать, а может, выживем? Ну не убьют же они всех? Может, поглумятся над лекарем да отпустят – и мы сыты-пьяны. Только Семен стоял нахмурившись – он понимал, что скорее всего живых не будет. Одного охранника они уже убили – это доказывало, что ни перед чем не остановятся. Первый ход был сделан, назад дороги не было.

– Так. Все готовы, значит, в путь. Садимся на возки, по четыре человека, и в дорогу. Луки приготовьте заранее, тетивы надеть. Стоп! Я сейчас кое-что прихвачу еще.

Владимир забежал в дом, откинул крышку сундука и достал нож, над которым он так долго трудился. Подумал-подумал – куда его засунуть? Прорежет все, что можно и нельзя, – и решился, взял в руку, зажав рукоять, и выскочил обратно на улицу.

– Семен, чуть не забыл, оставь здесь одного. Вон, молодого самого. Пусть, кроме Феклы, никого в избу не пускает. До особого моего распоряжения.

Семен кивнул молодому охраннику головой, тот повеселел и радостно соскочил с саней.

– Ну все, погнали! – Хлопнули вожжи, и сани легко покатались по набитой дороге...

Морозный воздух хлестал в лицо, а на голову норовили осыпаться с сосен снежные шапки, похожие на причудливые фигурки сумасшедшего скульптора. Если бы не серьезность ситуации, Владимир залюбовался бы расстилающейся прекрасной картиной. Вдали за деревней, засыпанной снегом, сверкала под зимним солнцем замерзшая река, которую местные называли Атиль. Над домишками, черными коробочками, вросшими в сугробы, поднимались вертикально струйки дыма...

Зимой у крестьян не было дела. Ну, кроме каких-то промыслов типа расписывания и вырезания посуды, плетения лаптей и так далее. Владимир читал об этом в литературе, и сейчас безупречная память тут же выдала ему строки из рассказов о жизни крестьян средневековья. Он задумался об этом, потом отбросил все мысли о крестьянстве и обратился к Семену:

– Слушай меня внимательно. Вы должны держать под прицелом лучников. Если они начнут садить из луков – тут же снимать их. В драку не лезьте. Основная задача – не дать им меня нашпиговать стрелами или прирезать Марьяну, понимаешь? У вас все владеют луками? Могут хоть попасть во что-то или так, для красного словца таскают эти коряги за собой?

– Обижаете, господин лекарь, – нахмурился Семен. – Я не скажу, чтобы такие чудесники были, соревнований не выигрывали, но моя команда владеет всем доступным оружием профессионально. Уж с пятидесяти сажень попадут в человека, точно.

– Хорошо. Задачу я тебе изложил, сразу рассредоточивайтесь и держите на прицеле лучников. А там действуйте по обстоятельствам.

Они помолчали, сани втянулись в деревню. Она как вымерла. Не было видно не только людей, даже животные как будто куда-то подевались – собаки не гавкали, куры не кудахтали. «Может, постреляли?» – подумал Влад и выкинул из головы все это.

Наконец показалась церковь, с простыми покрытыми голубой краской куполами и облупленными стенами. Она была закрыта на амбарный замок. Насколько знал Владимир, из-за крайней бедности деревни и удаленности ее от крупных центров служить в ней не хотел ни один из священников – кому нужен нищий приход. Сюда ссылали только провинившихся попов – поддающих горькую или бестолковых, кои в конце концов как-то выслуживались и переходили в более богатые приходы или просто сбегали неизвестно куда. Последний сбежавший еще и прихватил несколько каким-то чудом оставшихся серебряных окладов от икон. По слухам, он подался в разбойники. Среди них всякого народу хватало – от трусивших охранников до попов-расстриг.

Площадка перед церковью была утоптана множеством ног – то ли захватчиков, то ли крестьян, собиравшихся тут на митинг. Сани остановились, и охранники накинута поводья на коновязь у церкви. По командам Семена военные рассредоточились, заняв удобные позиции за углами домов и сугробами.

Влад прошел дальше, заглянул за церковь – там стояла группа вооруженных людей, в центре ее он заметил выброшенного утром из клиники хама и рядом с ним связанную и явно сильно избитую Марьяну. Один ее глаз заплыл, а из ноздри к подбородку тянулась застывшая струйка крови. Влад спокойным шагом подошел к Марьяне и спросил:

– Ты как, жива?

Она посмотрела на него и медленно кивнула:

– Извини, Влад... подставила тебя.

– Да ничего не подставила. Щас узнаем, чего хотят. Эй, народ, вы чего от нас хотите-то?

Из группы людей спокойно вышел крепкий мужчина в кольчуге с наплечниками, увешанный оружием.

– Да вот хозяина ты нашего обидел. Теперь он хочет твоей жизни. Лекарь, ничего личного, нам плевать на тебя. Но мы на службе, и он требует тебя порешить.

– Ну а какие-то есть условия? Ну, например, мы заплатим за обиду, вылечим вашего хозяина и разойдемся? Я не хочу проблем, вам они тоже не нужны, думаю...

– Да какие проблемы? – искренне удивился наемник. – Граф, что ли, будет за вас мстить? Так ему на фиг не надо связываться с нами из-за каких-то лекаришек. Закон? Да закон весь у него в кармане – куплен давно. Какие проблемы-то?

Владимиру стало противно – дежавю какое-то... Что в одном мире, что в другом. Там все куплено – и закон, и порядок – и тут куплено. Там закон охраняет интересы только имущих и тут. Есть где-то вообще справедливость или нет?!

– Слушай, ведь Марьяна ему ничего не сделала и вам тоже, отпустите ее, и я останусь с вами. Зачем ее-то?

– Да так... еще начнет болтать, а то еще и мстить надумает... Все-таки маги, хоть и дохленькие, валить – так всех. И хозяин вон уже заждался... – Он показал на злобно бубнящего Микулу. – Еще какие вопросы есть? А то нам уже ужинать надо, а мы еще даже не пообедали. – Он демонстративно посмотрел на низкое зимнее солнце. – Да, забыл спросить: ты где такой наряд-то взял, может, окажешь любезность и снимешь его? Попортится ведь иначе... А так я тебя добром вспомню.

Бандиты рядом с ним заржали. Правда ведь, смешно вожак хохмит. Вот уж веселый атаман, да и классно с ним – и бабло есть, и бабы, и выпивка, – чего не жить-то?

– Слушай, командир. У меня встречное предложение, последнее. Я тебе предлагал выкуп, ты не согласился. Я хотел миром все порешить – тебе не надо. Тогда сейчас предлагаю самый что ни на есть последний раз: вы отпускаете Марьяну и уходите. И больше чтоб я вас не видел. Если вы не соглашаетесь – вы умрете. Я доступно объяснил?

Вожак насторожился, он был опытным человеком и неплохо разбирался в психологии. Он видел, что лекарь не шутит. Может, как-то недооценил ситуацию? Что, если в лесу скрываются бойцы? Не зря же этот человек так уверенно диктует свои условия... Потом подумал: да не должно быть. Наблюдатель на колокольне сразу подал бы знак. Блефует. Да, блефует.

– Я вынужден отклонить твои условия. Пора умирать. А потом мы еще разок позабавимся с бабулькой...

Еще? У уродов хватило совести изнасиловать Марьяну? Извращенцы.

Владимира охватила ярость, и он шагнул в сторону бандитов, сжимая нож... Мечи и сабли выскочили из ножен, и разбойники напали на лекаря.

Время опять замедлило свой ход...

Владимир видел, как смешно и медленно опускает свою саблю на него главарь – он пропустил ее рядом с плечом и, сделав шаг, нанес секущий удар молекулярным ножом по лицу противника... Нож проскочил сквозь голову, как сквозь воздушный шар, залил его и площадку вокруг кровью. Удар вбок – другому... Развернулся, уклонился от катаны – отрубил ножом занесшую ее руку. Обратным движением снес чью-то голову, и она покатилась по утопанному снегу, как волейбольный мяч... Шаг, удар – труп... шаг, удар – труп...

Это напоминало уничтожение манекенов из пенопласта. Они разрушались так легко, как будто были изготовлены из хрупкого и нежного материала. Сзади что-то врезалось под лопатку, он даже не обернулся, убивая двух противников перед собой... Уворот – распоротая кольчуга, кровь фонтаном, заливая глаза, протер – иначе не видно: падает Микула со стрелой в башке. Крикнул Марьяне:

– Отбега-ай!

Она, с ходу сообразив и вовремя удачно распутав веревки, направляется к церкви, петляя на бегу. Вдруг у нее сзади вырастает из спины «хвостик»...

– С-суки! Стрелой жажнули!!!

Некогда – потом разберемся. Надо этих сперва добить... Удар, уклон – труп... Площадка просто залита кровью, как на бойне. Упали еще двое со стрелами.

«Наши стреляют», – мелькнуло где-то на периферии сознания. Уклон – труп, рука отпала вместе с плечом и еще дергается, сжимая клинок. Удар – споткнулся о какие-то останки, упал назад... Удар саблей – защитился рукой. Пробить «кевларовую» рубаху – шалишь! Вскопил – распорол чье-то брюхо... Еще удар, еще... Замер – тихо. Осмотрелся, как волк, вокруг никого... Все лежат, груда тел... некоторые со стрелами в спине или плече вяло шевелятся. Подошел – рубанул ножом по шее, одного, другого... чтоб не ворочались. Я вам предлагал жизнь, а вы смеялись.

Владимир подбежал к церкви. На земле, близ стены, лежал лучник, видимо свалившийся откуда-то сверху. Похоже, это его стрела ударила под лопатку и висит, застряв в куртке наколочником, хорошо, что не в башку целил, иначе бы могло гораздо хуже все кончиться.

Поблизости Марьяна – дышит, слава тебе, Господи. Схватил ее на руки, такую невесомую – то ли от возбуждения сил прибавилось, то ли просто реально гораздо сильнее стал, скорее всего и то и другое. Положил ее на сани, осмотрел, вырвал резким движением стрелу. Она вышла из спины вместе с кусочками живой ткани. Рана пузырилась кровью.

Я что, не маг, что ли!? Не отдам, сука с косой! Руки на Марьяну – Сила заструилась, кровь сразу остановилась. Вот поврежденное легкое – срастается, срастается... есть! Теперь удалить кусочки ткани из раны – ножом, – есть, сделано. Нестерильно... Кровь нагрелась до температуры пастеризации и уничтожила попавших в нее микробов. Не свернулась. Славно. Поехали дальше: края раны стягиваются, стягиваются... Когда я успел ввести ее в транс и сделать обезболивание? Вроде все...

Осмотрим дальше. Так-с, начинающаяся язва – удаляем... Хе-хе, тело формируем, формируем – есть, как у Водяновой! Лишние отложения с бедер, живота – долой. Мешки под глазами – убираем, синяки, порезы, разрывы... ну-ка Силы даванем по полной! Давай, давай, давай, качаем! Упс, вот уже и не старушка, а резвушка. Лет на тридцать пять выглядит, не больше. Ай да я, ай да сукин... хм, так, маму не трогать!

Теперь можно клинику открывать – не желаете ли под Лоллобриджиду? А под Мерилин Монро? Да запросто, лягайте, дамочка! Шутки шутками, а пора заканчивать... Те-е-екс – а что это у нас? Это не канальчик ли у нее к реке Силы? А ну-ка его попробуем расширить... та-ак... та-ак... ну хватит. Он уже стал раз в пять шире. Ай да я! Великий и ужасный Гудвин! Черт, а морщины с лица! Упс, разгладилось личико, а что – неплохая красotka стала. Ну что, пора просыпаться, красotka!

Владимир провел над Марьяной рукой, и та недоуменно открыла глаза:

– Я что, на том свете? Вряд ли. Твоя рожа опять тут, значит, я на Мире... – Она потянулась, чтоб сесть, но что-то ее насторожило. Марьяна легко перелетела через борт саней и замерла: – Ты?! Черт возьми, я уже давно не чувствовала себя так хорошо... я уж думала, что мне каюк. – Марьяна потянулась к Владу, обхватила его руками и зарылась на груди. – Спасибо... Я знала, что ты меня не оставишь. А где эти уроды? Они так измывались надо мной... Я много прожила, и не все годы были хорошими, всяко видала, но эти падлюки... – Она всхлипнула, потом успокоилась и вытерла рукавом тулупа глаза. Рукав был весь в крови – то ли в ее, то ли в крови бандитов, – и на лице остались разводы, как будто боевая окраска индейцев.

Влад хотел вытереть ей лицо, но так и не нашел у себя ни одного чистого клочка одежды. Все было покрыто кровью. Ему стало противно, даже немного затошнило, потом он справился со слабостью и зашагал к месту бойни. Бойня – иначе не назовешь!

Площадка у церкви диаметром метров десять была залита кровью, трупы лежали так, как будто сама смерть косила их своей страшной косой. Бойцы охраны клиники уже собрались к саням, двоих из них тошнило. Семен презрительно посмотрел на них, хотя сам был довольно бледен, и доложил:

– Ваши приказы выполнены, уложили четырех лучников, потерь нет – четверо раненых, стрелами. Жизни ничего не угрожает – выживут. – Он смотрел на Владимира, как преданный пес на хозяина, в его глазах лекарь вырос из простого врача в былинного Илью Муромца.

Владимир про себя усмехнулся. Не дай бог, стрела попала бы в голову – смог бы он выжить? А если бы и выжил, остался б самим собой? Не-эт, надо что-то делать. Шапочку, что ли, вязаную сделать «кевларовой»? Другой раз вряд ли так повезет. Впрочем, а чего дергаться? Кости-то усилил. Все кости, а значит, и черепа тоже. Не пробили бы. В глаз? А глаз защищен броней. Уши? Ага, вот тут моя ахиллеса пята, над этим надо подумать. Ушное отверстие – вот доступ к мозгу. Ноги? Ну и что ноги – кости не сломают, а мясо восстановится. Ресурсов хватит. Чтобы меня убить, надо месяц на костре жечь. Но мы об этом никому не скажем... Он улыбнулся и подмигнул самому себе.

Бойцы с ужасом смотрели на него, видимо, выглядело это страшно – подмигивающий, залитый кровью с ног до головы монстр в изрезанной, висящей лохмотьями одежде... Ну да ладно – в куртке все равно дырка была. Он опять засмеялся, потом приказал:

– Семен, раненых давай в сани, сейчас мы ими займемся. Трупы раздеть, одежду, оружие, ценности – все сюда же. Бойца пошли к крестьянам, пусть воды принесут, я умоюсь, а то весь как свинья. Давай, давай, быстро, побежали! – Влад хлопнул в ладоши, и люди забегали, задвигались...

Из домов стали выползать крестьяне, испуганно оглядывая место битвы. Владимир их прекрасно понимал – мирные люди, привыкшие к спокойной устоявшейся жизни, где самые большие невзгоды – неурожай или недовольство управляющего, а тут такие волнения.

Марьяна уже занималась ранеными. Двое охранников побежали помогать собирать трофеи...

Крестьяне притащили теплой воды, Владимир стал с фырканием умываться, разбрасывая брызги, и на морозе от его разгоряченного мокрого тела шел пар.

Появился староста, испуганно спросил:

– Не желательно ли господам что-то еще?

Влад попросил принести тулуп, пообещав заплатить за него, и вскоре он уже кутался в почти новую крепкую дубленку.

Через полтора часа все было окончено. Обнаженные трупы лежали на площади, а сани были забиты барахлом. На них посадили возчиков, остальные уселись на коней разбойников, привязав оставшихся без наездников цепочкой друг за другом, как караван. У коновязи остались только два скакуна – для Влада и Марьяны.

Когда караван скрылся за поворотом, на площади стояли только кучка крестьян да двое целителей. Владимир обратился к собравшимся:

– Идите все по домам. А вас, староста, я попрошу остаться... – Он усмехнулся: «Штампы так и прут, цивилизация есть цивилизация, это уже в крови». – Вот что, Селифан, – обратился он к старосте, – никому ни слова о том, что тут случилось, понимаешь? Будете болтать – попадете в беду. На вот тебе, за тулуп... и услуги. – Влад сунул в руку старосты золотой. – Иди домой и скажи, чтобы никто не высывался до темноты. Все ясно?

– Ясно... Чего уж там неясно-то? Не болтать. – Он кивнул и скрылся за дверью самого большого дома, что стоял рядом с площадью.

– Марьяна, возьми лошадей в повод и жди меня у околицы. Давай, давай, быстренько. – Он нетерпеливо прикрикнул на нее и потопал ногами по земле, сбивая налипший на валенки снег.

Марьяна удалилась уже метров на сто, тогда он повернулся к ней спиной и вытянул руки по направлению к куче трупов... Ему показалось, что кто-то пошевелился и застонал... Владимир вздрогнул, опустил руки, а потом опять поднял, сказав: «Да какая разница?!», сосредоточился... и между его ладонями заметалось яркое пламя, вспыхнул свет... Казалось, что прямо из них вылетел огромный шар пламени, фаербол размером метра полтора в диаметре.

Трупы, находившиеся на пути сгустка огня, просто испарились, превратившись в легкий белый пепел. Еще фаербол, еще, еще... Наконец на площадке осталось сухое выжженное пятно, покрытое серым, кружащимся под ветерком пеплом.

Лекарь повернулся и пошел к лошадям. То, что он сделал, было необходимо, он знал это. Но никто не говорил, что он должен был от этого испытать удовольствие. Честно говоря, его тошнило. Одно дело – читать о подвигах всяких там героев в книжках, а другое – видеть своими глазами эту бойню, нюхать кровь... Об этом как-то в приключенческих книжках не любят писать. Он взгромоздился в седло – стремена оказались слишком коротки для него, но переделывать было неохота – и толкнул коленями коня, с готовностью рванувшего вперед, домой...

Дорогу к дому он не запомнил, да и как-то все равно было – голова лошади со спутанной короткой гривой развевалась впереди, она шла крупным шагом, подбрасывая его на спине. Владимир приноровился к ритму, привставая в стременах, как заправский всадник. Марьяна только удивленно поглядывала на него. Наконец не выдержала:

– Откуда выучился ездить-то?

– Марьян, я работал два сезона в горах, геологом, вот там и выучился ездить на лошади, – усмехнулся он. – Ну, геологи – это такие люди, которые ищут руду всякую, типа рудознатцы. У вас есть такие?

– Есть, да. Так и зовутся – рудознатцы. Там в основном магии. А как же вы могли чего-то найти, не владея Силой?

– Ну как? Есть методики. Людей годами учат этому. Я вот учился восемь лет. Не все так просто.

Марьяна уважительно глянула на Влада.

– Так ты, значит, рудозналец?

– Да нет, был. У нас не все, кто учился на кого-то, именно тем и работают, на кого учились. Жизнь по-своему всех переделывает, да ладно. Хватит об этом. Ты вот скажи, теперь ты молоденькая, надо тебе мужа искать?

Марьяну передернуло... Она глухим голосом сказала:

– Похоже, я теперь не скоро на мужиков захочу смотреть... Ты знаешь, что они со мной делали?

– Догадываюсь. Фантазия подонка безгранична. Забудь. Они получили по заслугам. Ты теперь здоровее, чем была раньше. Физически. А с душой я ничего сделать не могу. Хочешь, чтобы я стер воспоминания? Хочешь? Я серьезно спрашиваю.

– Я догадываюсь, что сможешь... Но не надо. Я переживу.

– Правильно. Один человек в нашем мире написал: «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее»². Вот и ты стала немножко сильнее. Кстати, о Силе – ты ничего не заметила?

– Заметила. Как ты сумел? – Марьяна с любопытством посмотрела на него. – Прямо на санях... Силен!

– Сам не знаю. Как обычно. Захотел, волевое усилие и – ап! – готово. Не пойму, а почему никто так не делал раньше? А какая разница – на санях или в горнице – главное, войти в транс и Силы иметь побольше. И что, никто не смог таким образом поднять свой уровень?

– Влад, ты такой наивный или притворяешься? Я вот смотрю на тебя и думаю: ну как не от мира сего, могучий, здоровый, красивый...

– Да, да, говори, говори, все верно, – захихикал Влад под слова Марьяны.

– ...И глупый как пробка!

– А вот и не согласен! *Неправдычка* твоя!

Они рассмеялись, и Марьяна продолжила:

– Ну вот есть, к примеру, какой-то магик, сильный, ну навряд тебя. Он может проделать такую штучку с другим магом, ну назовем его Васей Пупкой...

Влад закашлялся и стал ржать в голос, Марьяна удивленно посмотрела на него и спросила:

– Чего ты? Ну имя как имя...

– Да ну так... У нас тоже, как что – Вася Пупкин. Так и поверишь в соприкосновение миров. Ну продолжай, извини.

– Ну так вот, может он сделать этого Васю Пупку магом, – она подозрительно покосилась на Влада, но тот ехал с подчеркнуто невозмутимым лицом, – почти равным по силам себе? Ну или послабее, как получится. Но гораздо выше его, Пупки, уровня. И зачем ему это делать? Вот он сейчас один такой. К нему обращаются, пользуются услугами, он лечит и делает амулеты. И вдруг появится такой же магик, который отберет у него пациентов, переманит их. Может, будет даже брать дешевле, а тот останется без клиентуры, а ему это надо? Как ты думаешь?

– Да я все понял давно... Слушай, одна мысль мне не дает покоя: а у вас есть *магические* дуэли? Кто-то может вызвать меня на дуэль, магическую дуэль, или нет? Я могу бить мага магией?

– Ну тут вопрос слишком общий... Начнем вот с чего. Если на тебя нападет магик – ты имеешь право защищаться как умеешь. Вина на нем. Если ты напал на него и победишь – тебя осудят... Ну, в зависимости от обстоятельств – может, ты защищал кого-то важного. А коли проиграл – судить некого. Если ты зарегистрирован в гильдии – а при этом выдается специальный знак, – то другой член гильдии может вызвать тебя на магическую дуэль. Но ты вправе отказаться. За штраф в тысячу золотых. И вызов может быть сделан раз в сутки. Понимаешь? То есть тебя могут просто затюкать вызовами. Тут есть одно «но»: ты можешь иметь статус, при котором штрафовать тебя не будут за отказ, но при этом ты приобретаешь подчиненное положение и заплатишь в гильдию семьдесят процентов своего дохода.

– Слушай, это же чушь какая-то, как могли принять такой закон? Разве не видно, что он выгоден только главам гильдии, самым сильным магам, которые явно заключили между собой договор о ненападении?

² Изречение принадлежит немецкому философу Ф. В. Ницше.

– Да вот приняли, – грустно улыбнулась Марьяна. – Ты думаешь, зря я засела в глуши и зарабатывала гроши? Погоди, еще и до нас доберутся... До столицы далеко, но слухи расходятся быстрее молнии. Пока они все думают, что это я вдруг стала лечить всех так хорошо. В столицу мы не лезем, но, как наш уровень вырастет, пойдут богатые клиенты, вот тут и будет дело. Остается надеяться, что до тех пор мы наберем и Силы, и денег. Да и далеко они от нас – не все поедут из столицы, чтобы проверить слухи, кто это там лечит так хорошо...

– Марьян, может, нам вообще отказаться от пластических операций? Чтобы никому не интересны стали? Только вот они приносят больше всего дохода, жалко как-то...

– Жалко. Да и поздно уже. Притормозить немного, может, да не брать особо сложных. Ну там уши поправить или нос, больше не трогать тела. Чтобы особенно не афишировать умения. Ну да ладно. Позже подумаем. Надо вначале отойти от этого дерьма, что случилось... Потом, все потом. А сейчас в баню...

Они подъехали к клинике, их встретили охранники, которые помогли спешиться. Целители устало прошли в избу, отдав распоряжение натопить баню и наносить воды. Уже смеркалось. День, такой грязный и нервный, закончился.

Глава 4

Владимир и Марьяна сидели, откинувшись на спинки стульев, в своей избе, ожидая, когда протопят баню – Влад настоял, чтобы баня была построена в первую очередь и топилась по-белому, ему надоело мыться из кадушек, хотелось как следует попариться. Он и в прежней жизни любил расслабиться в бане, хотя это и редко удавалось: в сауны ходить дорого, да и когда он мог себе это позволить, времени не хватало. К тому ж как-то неприятно было париться в сауне, зная, что до тебя тут побывали сотни проституток и их клиентов.

Хорошо бы после бани пивка хлебнуть... Пиво он любил, но тут под названием «пиво» подавали нечто похожее на «Балтику»-девятка или «Золотую бочку» крепкое, пить такую бурду ему было противно – он пил не для того, чтобы нажраться, а для удовольствия, потому просто ограничивался горячим чаем.

Наконец Фекла сообщила, что баня протоплена, и компаньоны прервали вялотекущий разговор на тему хозяйства, огорода, построек на территории клиники и жизни вообще. Важные вопросы обсуждать не хотелось, на обоих после недавних нервных перегрузок накатило душевное опустошение.

Владимир приказал Фекле собрать ему чистое белье, полотенце и, накинув тулуп, сунул ноги в обрезанные валенки, использовавшиеся им для того, чтоб выбежать на улицу. Подумал еще и нацепил треух. «После бани с мокрыми волосами идти... – засмеялся про себя. – Человек, устоявший против нескольких десятков вооруженных бойцов, боится простуды. Да что это со мной, я же закрытая система, нарушить мой баланс здоровья практически невозможно!» Он сорвал треух и кинул его в угол.

На небе высыпали звезды. Владимир поднял голову и стал искать знакомые созвездия, но вдруг понял, что он подсознательно ищет спутники, обычно катящиеся по небу, как блуждающие шарики. Рассмеялся – откуда тут спутники?! – затем погрузился: он не мог узнать ни одного созвездия, все изменилось... Вернее, это для него все изменилось, а тут осталось прежним. Когда наши миры разошлись? Он подозревал, что это произошло после какой-то глобальной катастрофы, возможно, после удара огромного планетоида или метеорита. На Земле после этого вдруг вымерли динозавры, а тут... а кто знает, что было тут? Палеонтологов тут не было, археологов тоже, кто мог сказать, что было в прошлом? Почему тут люди могли пользоваться магией, а на Земле нет? Почему там жизнь пошла по технологическому пути, а тут нет? Почему материки отличаются друг от друга? Почему земной год длится триста шестьдесят пять дней, а здешний пятьсот? Если это все же другая планета, то она медленнее оборачивается вокруг светила, потому и год длиннее, а если нет... *Почему* так случилось? Ох уж эта извечная манера русского человека задавать вопросы, на которые нет ответа...

Он усмехнулся и шагнул в натопленный предбанник. Баня встретила его сухим теплом и уютом. Влад разделся догола, открыл дверь парной и шагнул в сухой, пахнущий распаренным веником жар. Парное помещение было довольно большим, пять на пять метров – на этом тоже настоял он, не желая тесниться в каких-то клетушках, сгибаясь, как зародыш в чреве, чтобы сэкономить несколько чурбаков дровишек. Баня должна быть баней, а не собачьей конурой, заявил он при постройке, и первоначальный проект расширился раз в пять. Влад залез на верхний полоч, откинулся к нагретой стене, обжигающей, как раскаленная батарея центрального отопления, потом притерпелся и замер, впитывая сухой жар... Через несколько минут его кожа покрылась капельками выступившего пота, блестящего в ярком свете магического светляка, как дождевые капли на листе лопуха.

Неожиданно открылась дверь в предбанник, и в парную вошла Марьяна. Она спокойно воззрилась на сидящего Владимира, внимательно осмотрела его и, хмыкнув, сказала:

– Да, хорош. Мечта бабья. Даже у меня чегой-то зашевелилось...

Влад хотел схохмить по поводу того, что там у нее могло зашевелиться, да вспомнил и осекся. Надо воздерживаться от всего, что может напомнить ей о часах насилия. Марьяна забралась наверх и тоже замерла, закрыв глаза, потом медленно сказала:

– Ну что рассматриваешь... По бабе соскучился, что ли?.. Старушкой-то я тебя не шишко интересовала... – Она протянула руку и неожиданно просунула ему между ног, ухватившись за сокровенное. – Помочь, что ли?

Влад сразу возбудился. Ну мыслимо ли оставаться спокойным рядом с довольно симпатичной голой женщиной, притом беззастенчиво его возбуждающей? Тут он вспомнил о том, что внутри Марьяны плещется коктейль из смеси нескольких десятков видов семени, ему стало противно, и у него сразу все опало.

– Не хочешь меня? А, поняла, не смущайся. Я сама понимаю, что сейчас я грязная. Брежущешь... Поглумились, уроды. Ну, может, я по-другому помогу как-то? – И она начала медленно гладить и массировать его плоть.

– Марьян, да ладно тебе... Как говорят у нас бабы, отпихивая мужика от себя: «Давай останемся друзьями». Тебе и так досталось сегодня, не будем уж тебя мучить. Отойдешь – вернемся к этому вопросу... если захочешь. – Он погладил ее по спутанной гриве волос, Марьяна неожиданно зарыдала, обняв его и уткнувшись в литое плечо. Он поглаживал ее по голове, держа за вздрагивающие плечи, наконец всхлипывания кончились, и она опять откинулась к стене, расслабляясь в горячем воздухе.

Через минут пятнадцать, когда после третьего ковшика воды, выплеснутого на раскаленные камни, уши начало сворачивать в трубочку от жара, они перешли на нижнюю полку, набрали в деревянные ушаты горячей и холодной воды и начали мыться. Марьяна попросила намылить ей спину, что Влад сделал с удовольствием, попутно рассматривая ее тело, как художник картину после окончания сеанса рисования. То, что он увидел, в общем-то ему понравилось, хотя можно было бы и получше. Он повернул женщину к себе лицом, поводил намыленной грубой тряпочкой по ее торчащей, как у топ-модели, груди, по плоскому животу... Марьяна, не открывая глаз, сказала с нарочитой обидой:

– А чего сиськи-то мне такие маленькие сделал, пожалел для друга?

Влад, не выдержав, захохотал:

– Да я тебе самые лучшие приделал, от супермодели нашей, Водяновой! Что, надо было вымя коровье, что ли?

– Ну не вымя, а побольше...

– Ага, – опять хихикнул Влад, – мужики любят баб с выменем, а бабы мужиков с членом как у жеребца... и все врут. Хм, может, у вас тут правда другие вкусы? Интересно, кого староста пришлет мне? Как ты думаешь?

– Да ну кого? Кого похуже, кто не особо ценится у тамошних мужиков. Вот и посмотришь, кто им там нравится. Конечно, совсем уж уродок-то не пришлют – с заячьей губой или безногих, но и ничего хорошего не жди. Ты вспомни рожу Селифана, он лису три раза обдурит.

Влад задумался...

– Марьян, слушай, давай я тебе одну штуку в организме сделаю...

– Какую штуку?

– Ну, я себе сделал... Когда телу наносится травма, оно автоматически заживает раны. Я попробовал на себе – работает. Только сразу надо тебя отладить как следует, доработать тело, потому что потом вмешаться в него будет трудно, кроме меня, никто не сможет, оно будет стремиться восстановить равновесие. Даже забеременеть, если захочешь, ты сможешь только после того, как заклятие будет снято. Организм просто рассосет плод, если он появится, понимаешь?

– Понимаю... – Она подумала и меланхолично вылила на себя ковшик воды из ушата. – Интересно, конечно. Расскажешь мне потом, как сделал?

– Расскажу... Только сможешь ли повторить такое – не знаю. Ну, может, через несколько лет, когда Силы побольше наберешь. Тут суть в чем: на такое замыкание организма уходит очень много Силы, половина моей ушла, а если прервешь процесс – преобразование разрушается, связи теряются, и все приходится начинать заново. Да еще и навредить можно... осторожно надо. Так что с кем-то еще не пробуй. Да я думаю, ты прекрасно все понимаешь – все-таки старше меня на семьдесят лет... тьфу! Все время забываю, какая ты старая развалина...

– Ах ты, скотина! Отрастил себе одно место, так теперь думаешь, девушку оскорблять можешь?! – Марьяна засмеялась и несколько раз хлестнула Влада горячим веником по спине. – Я что, не вижу, что отрастил, охальник. Я-то помню, что было, все-таки ухаживала за тобой!

– Я охальник?! Да ты сама охальница – так и разглядываешь неприличные места! Только и думаешь о них, бабка хренова!

Они закатились в смехе, начали плескаться друг на друга из ковшиков, балуясь как дети, наконец успокоились и закончили мыться, смыв с себя пену.

Надо сказать, что мыло в этом мире было неплохое, его варили в специальных мастерских, мыловарнях, и оно было разное – от дешевого, для крестьян, до самого дорогого, с добавлением травок, ароматизаторов – лечебное. Влада даже удивило разнообразие и прихотливость различных сортов мыла. В нетехнологичном мире, где о гигиене – в том смысле, как ее понимали на Земле – знают постольку-поскольку, производят так много сортов мыла.

– Так. Ну давай уж, начнем... – Влад встал и пошел к предбаннику. – Я открою дверь туда, а то жарковато, даже на нижней полке – сосредоточиться невозможно. – Он поднял кадку и смыл с полки пену и листья от веника. – Ложись на спину и расслабься.

Марьяна плавно и медленно опустилась на спину, закрыв глаза. Владимир провел рукой над ее головой, погружая в транс, и сосредоточился на ощущениях Силы. Тело женщины засветилось аурой, с всполохами розового, белого и красного цвета.

– Та-а-ак... чего тут у нас красное? Ага – дырка в зубе. Ну да, я заметил, с зубами в средневековые засада, даже у целителей. Впрочем, а чего удивительного: зубы, как и кости, с трудом поддаются воздействию. Ну-ка... Ага – полезли. Старые зубы долой... – приговаривал он, – посыпались... Так, стряхнуть их, а то подавится еще не дай бог. Волосы – седину долой... Ах, зараза, красишь, оказывается? Магическим зрением-то видно, а так и не заметить. Грудь? Ну на тебе, третьего размера, получи! Сейчас я тебе свинью-то подложу... Так... печень активизируем, почки... установка на гиперактивность. Упс! Теперь ты хоть литр самогона выжри. Ну и яды теперь тебе не страшны – организм сразу выкинет, разложит их прямо в печени. Теперь ноги. Пусть подлиннее будут, кальций из суставов вон, сосуды почистим... Что еще? А, сейчас я тебя удивлю – глаза серые станут зелеными! Ну ты же ведьма, тебе положено. Сделать светящиеся? Нет, заметно слишком, это перебор. Добавим способность видеть в темноте, далеко... Так, есть! Слух? Ну, чуть добавим... Кстати, надо и собой заняться – слух и нюх улучшить. Что еще? Ну-ка еще расширим канал к реке... Сопrotивляется, гад. Ну много не будем – в два раза пока что. Кости, связки укрепляем, нервы... нервы укрепим... Мышцы посильнее сделаем – другой раз, может, сама из передрыги выберется... Не дай бог другого раза! Фигурку улучшим... ага, хороша. Все... Ан нет! Сейчас я тебе хохму замастрячу... гы-гы-гы... Есть! Вот теперь все. Просыпайся, спящая царевна!

Марьяна открыла глаза, медленно села на полок, посмотрела на руки, на ноги... Ей явно нравилось то, что она видела.

– Что-то я есть хочу, будто месяц не ела, аж трясется все. – Она потянулась, приподняв увесистые, совершенной формы груди третьего размера, вызывающе торчащие вперед. Картина была впечатляющая.

– Ну вот теперь более-менее сиськи... А то сделал пупыры какие-то. Эти глаз радуют.

– Жрать хочешь. Ясно дело – организм ресурсы тратил, строить-то из чего? Так, хватит тут сиськами трясти, давай попарь меня веником, потом пойдем чай пить. – Влад закрыл дверь

в предбанник, зачерпнул ковшиком воды и осторожно плесканул ею на раскаленные камни. Пар, поднявшийся туманным языком, окутал людей....

– А-а-а!.. хорошо! Давай, давай похлещи меня, ленивая баба! – Влад хихикнул и влез на верхний полоч, улегшись на живот... Марьяна продолжала рассматривать руки, плечи, опустила голову и обернулась назад... посмотрела вниз.

– А это что такое?! Ах ты, поганец, ах ты, охальник! Я тебя щас попарю, засранец! Щас, щас попарю, скотина ты эдакая! – Марьяна с хохотом схватила веник и стала сплеча хлестать Влада по плечам, зад и ногам, да так, что листья разлетались...

Влад взвыл:

– Э-э-э! А-а-а! Ты, фурия хренова! Осторожнее, вышибешь из меня дух-то, я тебе силы добавил!

– А на фига было вытворять такое?!

Влад поглядел на лобок Марьяны и заржал, уткнувшись в руки, – там виднелась фигурка беса, с хвостом и высунутым языком – он вспомнил картинку из Интернета и перенес ее на тело Марьяны в виде интимной прически. Он уткнулся в ладони и с удовольствием ощущал удары раскаленного веника по своему телу. Потом он попарил Марьяну, разомлевшую от жара и вольготно расположившуюся грудью вверх.

Через час они сидели за столом и прихлебывали горячий ароматный напиток. Марьяна задумчиво смотрела в маленькое окошко с мутноватым стеклом – здесь не знали проката больших прозрачных стекол, технологии такой не было.

– Странно так... Я сто двадцать лет прожила без тебя. Ты ворвался и все изменил. – Она взглянула на него грустно. – Уж не знаю, к лучшему или к худшему... Все-таки, наверное, к лучшему. Мне стало интересно жить. Честно сказать, я уже превратилась в какое-то животное... Есть, спать, есть-спать... И так годы, годы, годы... Ты вообще-то думал, что дальше будешь делать? Ну вот, у нас много денег. Ну и что? Что дальше?

Владимир тоже задумался...

– Ну, пока моя задача – добиться стабильности, чтобы не надо было думать о деньгах, о будущем, чтобы всегда был кусок хлеба... и лучше с маслом. Потом, когда появится время, буду думать, как вернуться в свой мир. Я пока не знаю, как это сделать, – мне надо читать книги, общаться с опытными сильными магами, если они захотят со мной общаться. А чтобы захотели, надо набрать силу, и магическую, физическую... и финансовую. Понимаешь? – Марьяна покивала головой. – Во всяком случае теперь я знаю, что проживу безбедно, даже если не получится вернуться домой. Ну, по крайней мере, буду зарабатывать интимными прическами.

Компаньоны посмеялись, а Марьяна бросила во Влада надкусанным бубликом:

– Охальник!

– Я хочу превратить нашу клинику в большой медицинско-магический комплекс, сделать так, чтобы мы только надзирали за процессом и могли оторваться от собственно лечения больных, высвободить время для исследований и обучения. Давай теперь рассудим, как это сделать? Земля принадлежит графу. Как приобрести на нее право собственности? Проясни мне ситуацию.

– Влад, вот тут дело худо... Землей в нашем государстве могут владеть только дворяне. В любой момент граф имеет право приказать выгнать нас со своей земли, и мы ничего не сможем поделать. Мы не можем купить землю, продать ее, произвести с ней какие-то другие деяния. Только аренда, по усмотрению владельца. Не знаю, как у вас, но у нас дворяне – это все.

– Хорошо. Или, вернее – плохо. Теперь поясни мне, как можно получить дворянский титул. Его можно купить?

– Хм... вопрос интересный. Теоретически титул купить можно. Но к титулу как ты приделаешь землю? Ну пришел ты к графу и говоришь: «Я барон Пипиркин, хочу купить участок вот тут». Он сразу заинтересуется: а кто ты такой, а зачем тебе участок? Ага, можно содрать

втридорога. А лучше вообще не продавать. Тут ведь все уже устроено, так пусть платят с доходов годы и годы, а то еще лучше – арендную плату им сделать такую, чтобы хватало на охоту, пиры, роскошные выезды... Ты понял, Влад? Так обложат, что ни вздохнешь, ни... ну ты понял. Есть еще способ – усыновление, к примеру. Или женитьба. Но родовитые только в сказках женятся на безродных.

– Даже если безродные богаты, а родовитые нищи?

– М-да, соображаешь. В этом что-то есть. Ты мужчина видный, магик, бабы на тебя вешаться будут. Возможно, и найдется обнищавшая родовитая семья, которая захочет выдать за тебя их дочку в обмен на круглую сумму золотых... Но на это надо много денег. Это речь о сотнях тысяч. Здесь таких денег не заработаешь. А если здесь их не заработаешь без расширения дела, то, как только ты это дело расширишь, налетят и все отнимут. Тогда зачем его расширять? Чтобы заработать... Сказка про мочало – начинай сначала. Не знаю, что делать.

– А если в столицу податься, вступить в гильдию?

– А кто тебя туда примет? Ты обучался в школе магиков? Я обучалась. В заштатной, но обучалась. Вот, гляди... – Марьяна пошла к себе в закуток и принесла плотную желтоватую бумагу с красной мастичной печатью... Владимир почувствовал это: печать была тронута Силой, подделать ее было невозможно, у нее имелась своя аура. – Видишь? У каждой такой печати есть своя аура, которую по цветам отличит любой знающий магик. Есть таблицы специальные, по которым можно отследить, где учился каждый из магиков.

– Не верю, что нельзя купить такой диплом. Только не говори, что все тут такие неподкупные и костью лягут – не выдадут диплома за полновесные золотые.

– Хм, ну да... я слыхала о подобном. Кстати, в той школе, где я училась, директрисой моя троюродная тетка Марина... Надо будет встретиться и с ней, поговорить. Это в Лазутине, пятьдесят верст от нас. Надо поехать туда и пообщаться. Неделью, не меньше, займет. День туда, день обратно, да там три-четыре дня надо будет прожить, пока документы сделают. Не знаю, сколько она запросит, обучение в школе стоит тысячу золотых, я десятки лет пахала, пока не отработала свой диплом, а вот сколько запросят за такой же, но без обучения, – это вопрос.

– Да ну, клади сразу раз в десять – пятнадцать больше, не ошибешься.

– Скорее всего да. Марина жадновата... Надо будет одеться похуже да лицо состарить, а то ты из меня сделал девчонку. Иллюзию накладывать нельзя – она сразу разоблачит, магичка она посильнее меня... той, что до улучшения. Да, вот еще что, ты можешь притушить мою ауру, чтобы нельзя было понять, что у меня сила увеличилась, а то ведь сразу видно, что сияю? На тебя так смотреть нельзя магическим взглядом – сверкаешь. Аж глаза режет. Тебе тоже стоит подумать о том, чтобы притухнуть, мало ли кто к нам завернет. К чему дразнить гусей.

Владимир молча мотнул головой, соглашаясь, посмотрел на Марьяну и, включившись в ее систему, пожелал, чтобы ее аура приглушила свечение до того уровня, который был в начале их знакомства, но без ущерба для организма и изменений в структуре ауры. Пришлось часть высвободившейся энергии сразу направить обратно в магический узел. Такую же процедуру он провел над собой, причем уже быстрее.

Марьяна кивнула:

– Вот теперь ты нормальный деревенский лекарь, а то, не дай бог, кто из магиков завернет сюда поглядеть, что там за костоправы людей собирают. А тут магистр сияет как солнце. Понимаешь, какая система: фактически я тоже плачу гильдии магиков, только не напрямую, а платя графу, я же на его землях живу. Если бы я жила на землях, принадлежащих императору, я бы платила в гильдию. Я дипломированная магичка, я могу нанимать себе помощников, и я уже плачу за них, они не платят. То есть я как начальница нанимаю себе подчиненных и отвечаю за них. Тебя не могут вызвать на магическую дуэль или обвинить в работе без регистрации – я зарегистрирована. А ты уже работаешь на меня. Без меня самостоятельно ты работать не можешь – сразу выжгут. Ну вот так вот. Плохо то, что, как ты справедливо сказал, у меня

нет официального письменного договора с графом и статус земли, на которой я живу, тоже не определен. Раньше меня это мало волновало. Что, я не смогу один-другой золотой заработать? Подхватила да ушла, если не понравилось. Но сейчас... большое хозяйство, налаженная практика – жалко терять. Ладно. Надо не сразу, а шаг за шагом – вначале тебе сделаем диплом Лазутинской Школы магии, а потом будем думать, как дальше жить. Поеду я через два дня, как раз дороги после метели раскатают, долечу мухой. А за эти два дня посмотрим твоих будущих наложниц, уж больно мне тебе отомстить хочется за чертика. Поизмываюсь всласть, ну не могу же я упустить такую возможность! Посмотрю, каких коряг Селифан тебе притаранит... хе-хе-хе... – Марьяна захихикала, поддержанная Владом...

– Ну ты, Марьянка, и ехидна, небось сама ему сказала всяких поганок собрать по всей деревне... Будешь их сама назад отвозить. Ладно, посмотрим на этих горгулий. Давай еще к делу. С собой бери тысяч двадцать – двадцать пять, в городе найми еще человек двадцать бойцов, обязательно через гильдию наемников. Сегодняшний случай меня убедил, что система нашей безопасности ни к черту.

– А ты понимаешь, сколько они сожрут и выпьют? А где им жить?

– Так найми в городе плотников, строителей – пусть строят тут казарму, дом нам еще пусть заодно построят. Какого хрена мы тут теснимся в избушке, сидя на деньгах? А это помещение под клинику пустим. Да, вот еще что: в школе переговори с Мариной, пусть подгонит нам приличных порядочных магиков. Будут по контракту работать. Я посмотрю на них, может, им тоже каналы раскроем, станут людей не хуже нас лечить. И контракт на всю жизнь... в этом случае.

– Ну ты, Влад, зверюга... На всю жизнь?! Да кто пойдет на такие условия?

– Пойду-у-ут... – протянул Владимир. – Вот тебе бы предложили расширить твои магические возможности в обмен на тридцать процентов дохода, получаемого в серьезной дорогой клинике, ты бы пошла? Даже если на всю жизнь? При гарантированной охране, жилье, питании, трех золотых с каждой десятки? Пошла бы?

– Ну, наверное, пошла бы... Кто же стабильность и деньги не любит. Только пока говорить им об этом нельзя. Слухи пойдут.

– А мы и не скажем. Дескать, пока типа выпускников принимаем, посмотреть, кто что может, им же надо отрабатывать деньги за обучение? Вот и возможность отработать есть... Твоя Марина с них еще и денег поимеет за то, что пристроит к нам. Может, и нам подешевле достанется мой диплом. Итак, начинаем с диплома, строим помещения, набираем работников. На том и порешим. Давай, Марьян, спать, что-то мы сегодня задержались, однако.

Они поднялись и побрели в свои комнаты. Тело Владимира вполне могло выдержать и гораздо большие перегрузки, но вот мозг... мозг протестовал и требовал отдыха. Это был слишком тяжелый день даже для него.

Лекарь улегся на уже разобранный Феклой постель, раскинул крестом руки и уткнулся глазами в потолок... Губы его сложились в улыбку. А все-таки интересно жить! На Земле он лишь доживал оставшиеся годы, а тут новая жизнь, новые возможности... В нем всегда была жилка авантюриста и, как ни странно, тяга к врачебному делу. Он всегда лечил себя сам, делал уколы близким, неплохо понимал в несложных болезнях. Теперь все знания, все прочитанное и услышанное за пятьдесят лет легко всплывало по первому его желанию. Грех было не воспользоваться открывшимися возможностями. Не хватало развлечений. Мозг человека технологичного мира постоянно требовал новой информации, знаний, перемен – жизнь на Земле была очень бурной, не сравнить с застывшей, статичной жизнью Мира... Поэтому мозг Владимира будто голодал без постоянно поступающей пищи для ума. Впрочем, было приятно знать, что ты проживешь еще неизвестно сколько сотен лет, успеешь очень многое... и спешить некуда. Кто не мечтал жить тысячи лет, чтобы первые сто, к примеру, зарабатывать деньги, вторые сто

– путешествовать, третьи – медитировать или там просто валяться на травке, да мало ли что можно делать, не думая об улетающих, как дорожные столбы за окном машины, годах.

Владимир вошел в черноту, потянулся к реке и пополнил слегка опустевший резервуар Силы. В который уже раз он подивился тому счастью и удовольствию, получаемому от соприкосновения с рекой. «Интересно, – подумал он, – что, неужели все получают такое удовольствие от отбора Силы? Может, это тоже зависит от уровня мага? Не-э-т... правда надо бабу, что-то я слишком подсел на откачку, как наркоман». С этими мыслями он и заснул...

Утро встретило его неясными звуками какой-то песенки. Марьяна уже бродила по дому, одетая, в крестьянском сарафане. Он подумал: «Ну что за дрянь они тут носят? Я эти сарафаны на тряпки бы только пустил! Неужели нельзя носить что-то более сексуальное! Надо заняться их воспитанием... попозже».

– Эй, соня, давай вставай, нас ждут великие дела!

Влад вздрогнул. Эти слова он в юности слышал каждое утро в один из полевых сезонов, проведенных на Горном Алтае, когда начальник партии приходил, дергал их за ноги, накрытые кошмой, и мерзко вопил: «Спите, мать вашу!.. Подъем! Нас ждут великие дела!» Это означало, что надо будет пройти пять километров до начала маршрута, потом три часа, задыхаясь и отбиваясь от комаров и мошек, подниматься на водораздел, идти по нему десять километров, опять три часа спускаться, с трудом разгибая натруженные ноги и страдая от боли в усталых плечах, на которые взвалены мешки с пробами горных пород, а потом еще десять – пятнадцать километров топтать до лагеря. Посему он эту фразу дико ненавидел, как, впрочем, и весь физический труд. Если была возможность, он всегда предпочитал заставить работать физически вместо себя кого-то другого, не такого великого и умного, как он сам. Так что это заявление коллеги сразу привело его в дурное расположение духа.

– Доброе утро, великий и ужасный магик!

– Утро добрым не бывает... – Влад буркнул это по пути к рукомойнику и тут же начал с фырканьем плескать воду в лицо, неодобрительно косясь на Марьяну. – Поспать хрен дадите... Вот сдохну, чтобы вы знали, как без меня жить.

– Не сдохнешь. Тебе еще молодых кобылок объезживать! – Марьяна захохотала, видя, что лицо Влада еще больше перекосилось.

– Тьфу на тебя, чертова бабка! – Он пошел к полотенцу, вытерся и начал одеваться. Завтракать не хотелось, с трудом запихнул в себя кусок хлеба с медом, запив так называемым чаем, и спросил, вспомнив: – Слухай, Марьян, забываю все спросить, а что, у вас настоящий чай не пьют?

Она стояла перед зеркалом и рассматривала себя, поворачивая голову то вправо, то влево, видно было, что то, что она видела перед собой в зеркале, ей ужасно нравилось...

– Ну почему, пьют...

– А чего мы не пьем? Да брось ты вертеться перед зеркалом-то, ну красавица, я не даром хлеб ем, постарался... Почему мы чай-то настоящий не покупаем? Мне эти хреновы отвары уже поперек горла стоят, хочу черного чая, зеленого чая!

Марьяна остановилась и задумалась.

– Да ну не знаю, раньше денег не было, а потом как-то и привыкли... Ну давай закажем купцам чаю, привезут.

– Давай... А лимоны тут можно заказать?

– Чего? Что за лимоны?

– Ну такие кислые желтые фрукты... Неужели не видала ни разу?

– Не-а... Ты не забывай, я особенно-то по столицам не шастала... Что прочитала в книгах, то и знаю, не дальше Лазутина. Ну я узнаю у купцов. Давай собираться, там люди ждут. Надо на *ламоны* твои зарабатывать.

– Не ламоны, а лимоны. А много народа?

– Да нет, немного, но там что-то серьезное есть, по магической части. Кто-то порчу навел на парня вроде как... Посмотришь. Купец богатый, дает пятьсот золотых, если вылечим. Парень его наследник, похоже, кто-то извести решил. Мужик рвет и мечет – парень сохнет, уже ноги еле волочит, высох как скелет. Доходяга, жить осталось хорошо если месяц.

– Хреново... Тут чуть передавишь Силой – копыта откинет, ресурса-то в теле не осталось.

– А ты осторожнее. Не черта давить-то, ты потихоньку распутывай. Ладно, хватит воздух молоть, пошли лечить.

Они оделись и вышли на морозный воздух. Вокруг стояли сугробы, за ночь метель намела немалые заструги снега. Охранники дружно поздоровались с ними, Владимир объявил, что после полудня с ними рассчитаются, выплатят обещанную премию, и что надо будет в обед встретить обоз из деревни.

Марьяна хихикнула. Семен поднес брошенный вчера второпях молекулярный нож и сообщил, что «ентим ножом Васька чуть палец не отхватил, попробовал на остроту... до кости прорезал». На что Влад сообщил, что не хрена тыкать что не надо куда не надо, так можно и кое-что себе сломать. Мол, пусть зайдет попозже – залечат ему палец.

Оружие и доспехи были уже почищены. Те, что захватили с разбойников, прорубленные сложили отдельно, целые отдельно. Все в оружейной. Влад распорядился отправить поврежденные на ремонт к кузнецу, а целые запереть и никому не давать. Он усмехнулся про себя: как-то незаметно попаданец из другого мира стал тут главой организации... То ли еще будет. Снежная дорожка скрипела под ногами, морозец хватал за нос и торопил бежать в теплое помещение. В воздухе пахло дымом из труб, этот запах Влад любил с детства. «И дым отечества нам сладок и приятен...» Впрочем, какое тут отечество? Где оно, отечество?

За забором фыркали заиндевевшими носами лошадки, запряженные в возки, больной парень ждал лекарей уже внутри клиники, на скамейке, поддерживаемый седым бородатым мужиком. Влад еще подумал: «Что-то слишком много бородачей тут. Может, начать бриться? Надоело выглядеть таким лесовиком». У входа стояли два охранника клиники и трое незнакомых вооруженных людей, видимо телохранители купца. Влад рассердился:

– Кто позволил в отсутствие лекарей пустить людей в клинику? Разве вам не было сказано: «Никого без нашего присутствия не пускать»?!

– Ну да, сказано... Но, господин лекарь, они так просили, ну мы и позволили...

– Оба лишаетесь зарплаты за неделю. Доложите командиру. Я вас научу приказы выполнять! Он не смог заставить слушаться – я заставлю.

Влад прикрыл за собой дверь, пропустив вперед Марьяну.

– Здравствуйте, уважаемые. Что случилось? – Он стряхнул с шапки нападавший с веток снег прямо на пол, повесил ее на крючок в дальнем углу и подсел к мужчинам, примостившимся на скамье, сканируя взглядом худенького, бледного парня лет восемнадцати.

– Извините, господин лекарь, не наказывайте служивых. Это я попросил их пустить, заждались, мы с ночи уже вас ждем.

– Ну нам тоже надо отдыхать, как ни странно. Живые мы... – Влад раздраженно вытер мокрые от снега ладони о штаны. – А по поводу постовых – это наше внутреннее дело. Без дисциплины все развалится. Подчиненные должны четко выполнять приказы. Ладно, тему закрыли, рассказывайте, в чем дело.

Мужчина помедлил, посмотрел на лекарей, внимательно уставившихся на парня, и начал:

– Это мой сын, ему девятнадцать лет. Уже год он чахнет, никто не знает почему. Мы обращались ко многим лекарям, отпаивали травами, лечили магией – ничего не помогло. Мне сказали, что это проклятие, наложенное очень сильным магом. Я догадываюсь, кто это сделал и почему, но пока ничего изменить не могу. Не буду вам говорить, кого подозреваю, да и не ваше это дело. Если снимете проклятие – ваши пятьсот золотых.

Влад замер, прислушиваясь. За дверью раздавались голоса. Семен грозно вопил на кого-то, видимо, распекал охранников, всхрапывала лошадь, и каркала ворона... Он подумал и немного рассеянно сказал:

– Кому-то вы сильно насолили. Жить парню осталось от силы две-три седмицы. Надо было раньше его везти, теперь у него почти нет жизненной силы. Так. Я уже посмотрел его, вылечить можно. – Купец встрепнулся и попытался что-то сказать. Влад остановил его жестом: – Тысяча золотых, и он остается тут на две недели. Я буду за ним следить, кормить правильно, отпаивать травами. Сильно давить на него магией уже нельзя, как я сказал, он слишком истощен и не выдержит. Если согласны, деньги вперед. Выходим из помещения и ждем снаружи. Не согласны – выходим и ищем другого лекаря. Я гарантирую излечение. Вопросы есть?

– Вопросов нет, господин лекарь, кроме одного: вы гарантию даете?

– Я же сказал – гарантирую. Другие есть вопросы?

Мужик внимательно посмотрел на лекаря, как бы проверяя, можно ли ему верить. Увиденное, вероятно, его удовлетворило, он слегка кивнул и неожиданно зычно закричал:

– Николай! – Дверь приоткрылась, и в нее заглянул охранник купца. – Сундучок с деньгами сюда.

Голова охранника исчезла, и через некоторое время узорчатый стальной ларец двое охранников поставили на пол перед мужчиной. Тот взглядом попросил придержать сына. Марьяна присела рядом, обхватив того за плечи, купец достал с шеи цепочку с причудливым узорчатым ключом, вставил тот в замочную скважину ларца, легко повернул, сыграла мелодичная музыка, и ключ был вынут из дырочки. Мужчина не стал поднимать крышку – прежде достал какой-то серебряный кулончик, зажал его в руке, затем откинул крышку и опустил туда этот кулон на цепочке. Что-то щелкнуло, и в воздухе запахло озоном. «Ага, – подумал Влад, – противоугонка на ларце. Забавно. Снимается, видимо, амулетом. А если туда сунуть руку, что будет?» Он подозревал, что ничего хорошего: или оторвет, или спалит. Значит, надо как-то наладить такие штуки.

Он заинтересованно следил за работой амулета. Из ларца появились десять тяжелых мешочков и перекочевали на скамейку рядом с купцом. Тот захлопнул крышку сундучка, закрыл на ключ, потом спокойно посмотрел на лекаря и сказал:

– Я даю тебе все, что ты просил. Если ты меня обманешь, я все равно тебя найду, и ты умрешь, мучительно и страшно. Я надеюсь, ты это понимаешь?

– Обманывать вас никто не собирается. Я сказал – будет сделано. Теперь давайте быстренько отсюда, хватит слов, надо дела делать.

Владимир поспешно выпроводил купца с его охранниками, унесшими ларец, с помощью Марьяны раздел парня догола и, подняв его на руки, взгромоздил на стол, покрытый тканью.

– Марьян, закрой дверь на засов, чтобы не отвлекали. Ага, нормально. Теперь поговорим. Тяжелый случай, я первый раз такое вижу. Работал профессионал. Конечно, пониже меня силой, но очень умелый. У парня полностью нарушены связи ауры с органами, сколько ее ни подпитывай – энергия стекает в пространство. Придется налаживать все заново. Сейчас ты подвинешь скамейку, разденешься и ляжешь на нее. Я буду смотреть на тебя, чтобы понимать, откуда какие каналы идут. Давай, приступаем....

Через два часа усталый Влад отошел от хирургического стола:

– Все, Марьян, вроде сделал. Работа кропотливая, нельзя было торопиться. Видишь, как теперь все выглядит? Аура уже ровненько светится – я ее подкачал. Не снимай с него пока транс, пусть полежит. Одевайся, а то ты меня возбуждаешь своим бесенком...

Марьяна засмеялась и подмигнула:

– Если бы возбуждала, не стал бы вчера ноги сжимать, недотрога...

Они расслабленно посмеялись, потом Влад подумал и решил:

– Я ему в счет бонуса – папашку-то я хорошо раскрутил на бабки – косоглазие устраню. Вишь, парень косит. Пусть порадуются. Тем более что это ресурс намного не истощит. – Он сосредоточился, вошел в транс и осмотрел тело парня. Красно-черных всполохов больше не было, остальные органы работали более-менее нормально, если забыть про патологическое истощение. Он сосредоточился и дал сигнал глазным мышцам исправить положение. – Есть. Готово. Ну хватит баловаться, а то парень еще правда тут крякнет. Одевай его. Натягивай портки и рубашку, а то он в шоке будет, после того как окажется перед такой соблазнительной бабушкой... хе-хе.

– Вот тебе! – Марьяна хлестнула его портками парня. – Это тебе за бабульку!

Наконец парень был одет, и Марьяна вывела его из трансa. Пациент явно выглядел лучше, он посмотрел на лекарей и сказал:

– Ужасно есть хочу, просто аж завывать охота от голода.

– Ну это нормально. Что ты хотел, у тебя живот-то прилип к спине. Влад, я пойду отведу его к Фекле, пусть ему бульона с мягким хлебом даст. Помнишь, как я тебя выхаживала? А потом мы его в стражничкой разместим.

– Марьян, а ты не задумывалась, что нам надо стационар тут строить? Некоторых с первого раза вылечить нельзя, надо наблюдать за ними. Вот куда его размещать, кроме стражничкой? Отпускать его с папашей? Во-первых, еще непонятно, как он себя почувствует попозже, а кроме того, ведь кто-то его заколдовал, и кто-то из окружения купца, маг подосланный. Где гарантия, что его опять не околдуют? А наложить проклятие легче, чем снять – ломать не строить... Интересно, кто же его так... и зачем?

Тут голос подал парень:

– У отца товарищество на паях. Если он умирает, то его пай или переходит к наследнику, то есть ко мне, или, если наследников нет, делится между другими участниками товарищества. А это довольно много – корабли, лавки, склады... Отец сам не очень хорошо себя чувствует, дай ему Бог долгих лет жизни. Мама у нас давно умерла, еще при моем рождении, а папа так и не женился, любил ее сильно. Вот так и живем. Может, вы и его посмотрите, господа лекари?

– Может, и посмотрим. – Влад переглянулся с напарницей. – Сейчас у него спросим...

Марьяна отодвинула засов и выглянула наружу. Отец парня переминался с ноги на ногу у возка, о чем-то озабоченно разговаривая со своими охранниками.

– Уважаемый! – Марьяна махнула ему рукой, и купец, подхватившись, кинулся в клинику.

– Что, что случилось? Все нормально?

Парень слабо улыбнулся и ответил:

– Все нормально, батя... Жрать хочу как зверь. Пусть они тебя посмотрят, ладно? Как-то не хочется мне сиротой оставаться в девятнадцать лет...

Купец беззвучно заплакал, роняя крупные слезы, и уткнулся в плечо сына, вздрагивая спиной... Потом оторвался от своего чада и посмотрел на деликатно отошедших от них лекарей.

– Спасибо, господа. Век не забуду. Зачем мне деньги, если некому их оставить. Одна радость у меня – сынок, умница. Спасибо.

– Да не за что. Вы поняли, почему я решил оставить его пока тут? Если по нему еще раз шандарахнут заклятием – он не выживет. Пусть пока тут сил наберется. Ваш наследник нам сказал, что вы тоже страдаете чем-то? Давайте уж посмотрим заодно.

– А сколько будет стоить? – насторожился купец, хитро тараща глаза.

– Не дороже денег. – «Ну купцы везде купцы», – весело подумал Влад. – Все равно их в могилу не унесете. Ну что, смотрим?

– Смотрим...

– Тогда раздевайтесь, и на стол. Быстренько, быстренько, – прикрикнул Влад, нам еще больных принимать!

Сын купца весело прыснул: не все ж папаньке других гонять, и ему надо тоже потерпеть. Купец тоже не выдержал и засмеялся:

– Вот поздороваешь – уже потерпишь, за все время отыграюсь!

– Ты отыграешься... – уныло пробасил его сынок.

И тут уже не выдержали Марьяна с Владом – они посмеялись, потом Марьяна прикрикнула на парня, чтобы не мешал, и одним движением погрузила купца в сон. Владимир посмотрел на лежащего. Красно-черное сияние шло от живота. Всмотрелся – язва желудка, отвратительная, на грани прободения. Еще немного – и труп. Да-а-а... вовремя пацан сказал. Влад аккуратно стал залечивать рану. Красное свечение убывало, убывало... наконец исчезло. Осмотрел тело дальше: красным полыхает колено, скорее всего, был разбит мениск, видимо, после ходьбы и длительного стояния на ногах боль адская. Убрал кальций из сердца и протоков... «Дальнозоркость старческая, похоже, как у меня была, – подумал целитель и убрал. Подкачал энергии в ауру. – Ну, вроде хватит. Аминь».

Влад провел рукой над головой купца, тот вздрогнул, открыл глаза и медленно сел на столе... Недоуменно прислушался к ощущениям и широко улыбнулся, потом соскочил на пол и глубоко, в пояс поклонился лекарям:

– Благодарю вас. От души. Вы сделали больше, чем я надеялся...

Влад поковырялся ногтем в безупречных белых зубах и меланхолично сказал:

– А там у вас в сундучке еще что-то осталось бедному лекарю и его голодной лекарице?

Купец от души, залиvisto стал смеяться, держась за живот и сгибаясь, ему вторили бледный сын и сами лекари, тоже зараженные смехом. В дверь стали стучать охранники, испуганные шумом, Марьяна отодвинула засов, удостоверившись, что купец уже надел портки и тулуп. В дверном проеме появились охранники с вытаращенными глазами. Торговец сделал им знак рукой, они опять внесли заветный сундучок, и купец наклонился над ним, кивнув, спросил:

– Сколько?

Влад пожал плечами, мол, сколько дашь. Купец выгреб из сундука мешочки – их оказалось четырнадцать штук – и все оставил на полу. Потом помолчал и произнес:

– Я приеду за сыном через две недели. Прошу вас позаботиться о нем как следует. Пусть трудится – я не прошу, чтобы он бездельничал. Я тоже с молодости работал. И сейчас работаю. Кормите как надо. Потом я приеду и поговорю с вами. Есть у меня к вам дело, мне кажется, вы сможете помочь. Да, и еще: никому не говорите, что меня вылечили. Все знают, что я погибаю и скоро помру, так пусть так и думают. А я не дам им в этом усомниться. Пусть наша тайна тут и останется. До поры до времени. Хорошо? Я вам достаточно заплатил, чтобы вы согласились.

Влад помолчал, подумал и ответил:

– Я все понял. Вы правильно решили. Это очень дельно. Не беспокойтесь, мы обставим все как надо. Главное, чтобы сынок ваш не прокололся.

– Чего он не сделал?

– Ну чтобы не разболтал, выражение такое есть... Не разоблачили чтобы его.

– Интересное выражение. Не слыхал у нас такого. – Умные глаза торговца с интересом воззрились на Влада... Потом он как будто отмахнулся от мыслей и быстро проговорил: – Сынок молодец, он все прекрасно понимает... Ведь понимаешь, сынок?

– Ну мог бы, бать, и не говорить... Я что, болван, что ли... Буду потихоньку таскаться, сил набираться, скажу, что полечили немного, вот травами отпаиваюсь. А отца так и не смогли вылечить, запущенно очень уж.

– Ну и молодец. Все понял. Теперь я вас оставляю. – Мужик легко поднялся, ему явно нравилось, что теперь у него не болит нога, живот, он с удовольствием прислушивался к себе. Затем протянул крепкую узловатую руку лекарю и крепко сжал, усмехнулся, посмотрел ему

в глаза и еще раз сжал, видимо на полную силу. Обычный человек уже упал бы на колени, подрубленный болью в кисти, лекарь же стоял, слегка улыбаясь, и как будто не замечал давления. Купец уважительно сказал: – А ты силен... Я подкову сгибаю рукой, а ты как будто и не заметил.

Влад, в свою очередь, слегка сдавил ему руку, и тот, охнув, чуть присел, потом прикрикнул:

– Все, все, понял! – И засмеялся, замахав в воздухе посиневшей от напряжения рукой. – Силен. Я не зря тебя испытывал. Потом поговорим. Через две недели. Всем мое почтение. Счастливо оставаться.

Купец вышел из помещения, впустив в него клубы ледяного пара. Он нарочито прихрамывал, как раньше, и страдальчески держался за живот.

– Станиславский в действии, – хохотнул Влад.

– Чего в действии? – не поняла Марьяна.

– Да забей... неважно.

– Чего забить и куда? – опять не поняла она.

– Тьфу на тебя. Веди давай к Фекле парня, пусть его бульоном отпаивает. Предупреди: если перекормит, я ей глаз на одно место натяну.

– Правда натянешь? – с ужасом спросила Марьяна.

– Марьян, мне так тяжело иногда с тобой говорить. Да веди ты его жрать-то, видишь, парень трясется аж! И давай сюда Семена, пусть мешок только возьмет с собой.

Марьяна вывела парня, через минут пятнадцать пришел Семен, Влад взял мешок и попросил охранника подождать за дверью. Покидал в большую тару тяжелые мешочки, прикинул на руке:

– Да, ни фиги себе вес. Ни тебе банковских карточек, ни тебе пачек купюр. Попробуй потаскайся по дорогам с таким весом. То-то разбойники процветают, есть чего с купцов взять. И профессия охранников-наемников в цене...

Он открыл дверь и попросил Семена отнести мешок в жилую избу, добавив, что временно у них будет жить парнишка, кровать дополнительно там поставят. Немного подумал и еще попросил Семена зайти к нему, после того как отнесет мешок, разговор есть. Затем лекарь присел на скамейку и задумался.

С купцом все было ясно – ему надо было выловить из своего окружения подосланного мага да выяснить, кто из партнеров под него копает. Шито все белыми нитками. Вопрос был только в том, а надо ли ему это? Не подставит ли он свое дело и Марьяну под удар? Ну так-то его трудно взять голыми руками, да и Марьяна теперь совсем не та добрая бабулька-лекарка, что была. По степени убойности, конечно, послабее его, но тех разбойников теперь и сама бы смогла раскидать. Тем более что и магии прибавилось в разы.

«А что я теряю? Да ничего. Поосторожнее надо действовать, поумнее, и все. Зато интересно. А то затягивает это болото до тоски. Тут еще нюанс: торговец из столицы, может помочь и информацией, и связями... Да и деньги не помешают опять же. Предложит – отказываться не буду», – решил для себя Влад.

Его размышления прервал стук в дверь. Он пригласил стучавшего войти, и в дверь осторожно протиснулся Семен, снимая на ходу шапку.

– Что, господин лекарь, о чем хотели поговорить?

– Присаживайся, Семен. Ну первый вопрос такой: я хочу, чтобы ты обучил меня приемам владения саблей, мечом, луком и так далее. Можешь? Я заплачу за уроки отдельно.

Семен растерянно посмотрел на лекаря:

– Ну могу, конечно... Только вот как вы обучитесь-то, ну если на уровне ополченца из крестьян – только не обижайтесь, – мы ведь профессиональные воины, учимся этому делу с детства. Мне папка в пять лет дал в руки палку и начал показывать приемы владения мечом, я

уже почти сорок лет этим делом занимаюсь. И ребята мои тоже не промах на мечях... А тут... учить взрослого? Деньги ваши – вам виднее, конечно, но мне думается, что это только перевод средств. Смотрите сами. Только не обижайтесь, ладно? Вы и так знатный боец, вон сколько ублюдков положили. Только ведь положили их – как свиней перерезали. Зачем вам меч-то, когда вы и без меча как дикий вепрь зашибете, я же видел вашу силу!

Влад про себя усмехнулся. После вчерашнего Семен и другие охранники иначе как на «вы» его не называют – настолько потрясло их зрелище рассердившегося доктора...

Влад подумал, как бы ему поаккуратнее объяснить охраннику?..

– Понимаешь, Семен, какая штука, ты прав отчасти. Я могу и гораздо больше народа положить, и просто голыми руками, но мне не надо, чтобы все об этом знали. Когда человек обвешан оружием с ног до головы, выглядит устрашающе, вряд ли кто полезет на него просто так, как на невооруженного путника. Если дойдет до драки – я воспользуюсь обычным мечом, чтобы не выдавать умения. Я хочу, когда мне понадобится поехать в город, выглядеть как можно более незаметным, мне ни к чему шумиха. Кстати, скажи бойцам, чтобы не болтали нигде ничего лишнего. Мне не нужны все эти рассказы о лекарях-убийцах. Тем более что это и в ваших интересах – надеюсь, вам не хочется держать осаду, если сюда привалят родственнички побитых разбойников. А так, исчезла и исчезла ватага, мало ли кто где исчезает... Ты понял?

– Конечно, понял. – Семен заинтересованно взглянул на лекаря. – В столицу собираетесь перебираться?

– Нет. Не собираемся. Но съездить в столицу по делам придется. Вот потому я и не хочу привлекать внимания к своей персоне. И не думай, я учусь очень быстро. Думаю, ты скоро сам в этом убедишься. И последний вопрос: скоро тут будет гарнизон в пятьдесят человек. Подумай, как лучше их размещать.

– Пятьдесят? Да куда их селить-то? Ну не в палатки же?!

– Не в палатки. Через неделю у тебя будут плотники в достаточном количестве. Поедешь на ближайшую лесопилку и договоришься о закупке леса на строительство.

Влад увидел, как заблестели глаза у Семена – явно сразу решил нагреть хозяев на кругленькую сумму.

– Только давай без фанатизма – я проверю твои закупки, надуть меня не получится! – Мужчины засмеялись. – После того как построим казарму, понадобятся бойцы. Или ты сам подберешь нужных людей, или же я просто обращусь в гильдию, чтобы прислали. Смотри сам, как и что. Твоя плата с завтрашнего дня увеличивается в два раза. Все, давай шагай и пригласи следующего больного.

Владимир быстренько, в течение сорока минут, «расправился» с оставшимися больными – их было всего двое, крестьяне с переломами – и с чувством выполненного долга отправился на обед. Он был доволен. Еще бы, не каждый день зарабатываешь по две с половиной тысячи золотых...

Глава 5

Влад медленно и вдумчиво хлебал щи из глубокой миски, недовольно косясь на купеческого сына, храпящего на русской печи в избе. Пока ему ставили топчан в стражничкой, Марьяна покормила парня, и он буквально отрубился прямо за столом – казалось долгое голодание и потеря сил. Растолкать его так и не смогли, и она положила парня на русскую печь, под тулуп, где он благополучно потел. На Руси давно, с тех пор как появилась русская печь, лечили многие болезни, укладывая больного на нагретую печную лежанку. Сухое тепло отгоняло многие хвори. Так что и в этом случае русская печь оказалась совсем не лишней в исцелении.

Марьяна посмотрела на Влада и с удивлением сказала:

– Ты знаешь, я так легко его туда засунула, как ребенка просто. Вообще, как будто из пуха он! Неужели так отощал?!

– Марьян... – хмыкнул Владимир, сосредоточенно оглядывая косточку, которую перед этим глодал, – понимаешь, хм, как бы это тебе сказать... ну только не ругайся, ага?

– Чего «не ругайся»? – не поняла лекарка и настороженно поглядела на компаньона. – Чего ты опять сотворил-то, аспид?

– Ну это... поправил я тебя немножко. Это не пацан такой легкий, это ты стала сильная. – И он стал сосредоточенно хлебать щи, ускоряя работу ложкой. Еще вывалит на голову, баба злостная, надо успеть доесть.

– Хе-хе-хе... – Он поднял недоуменно голову. – Ну насмешил... А я-то думаю, чего это он такой пуховой-то? Ты хоть предупредил бы.

– Ну вот, предупреждаю. Если ты кому-то простому врежешь по носу, как мне тогда, писец его башке. Отлетит как не бывало. Теперь рассчитывай силу. Сейчас ты сама бы тех уродов раскидала как детей. И еще, я слегка кости тебе подправил – теперь их сломать довольно сложно.

– Тек-с, ты там никакие мне дырки еще не зарастил, чтобы мне уж совсем хорошо было?

– А надо было? – с глупым выражением лица спросил Влад. – Ты ничего не говорила об этом, ну давай зарастим... – Он не выдержал и прыснул в щи.

– Э, э! Вот здоровый, а глупой, как дитя! Все веселишься, как пацан! Чего ржешь-то? Вот щас твои бабы приедут, тогда и посмеемся. – Она сделала зверское лицо и тоже начала хохотать, увидев, как перекосило Влада. – Да не переживай, найдем мы тебе бабу... – Его опять разбил смех – и где же это он слышал такое выражение: «Да найдем мы тебе бабу»? – Не знаю, как насчет жарить-парить, но насчет золотые руки... – многозначительно подмигнула Марьяна.

Он задумался. Может, правда миры где-то пересекаются, ну уж больно много похожих выражений и пословиц. И язык уж очень похож... вот только письменность... Тут он решил, не теряя времени, потребовать, чтобы Марьяна занялась с ним азбукой и письмом. Он ни читать, ни писать на этом языке не мог, только разговаривать! При его способности запоминать он был уверен, что через неделю будет писать и читать не хуже чем любой из жителей этой страны.

Как будто отвечая на угрозы Марьяны, вдали послышались бубенцы саней старосты Селифана – он где-то отхватил знатные бубенцы, которые было слышно за версту. Двое саней подкатали к плетню у клиники и остановились, выпуская из своего нутра стайку женщин, ведомых Селифаном. Такое впечатление было, будто старый гусак ведет за собой стайку гусынь. Девки были в добротных полушубках, замотаны поверх шальями, скрепленными на спине. Видимо, это был последний шик карауловской моды. Они важно прошествовали через двор к избе лекарей, и староста, взойдя на крылечко, громко постучал кнутовищем в дверь:

– Эгей, хозява, принимайте гостей. Можно к вам, што ля, зайтить?

– Давай, Селифан, вваливайся, и не хрена язык коробить, говори нормально, а то все под дурачка темного рядишься.

– Абижашь, хозяйка, – буркнул, входя, Селифан и перекрестился на образа, висевшие в углу, – мы люди темны, грамотам не обученные...

– Ты-то грамотам не обученный? Болтун, а?! Ты погляди на него, Влад, это не он ли церковно-приходскую школу закончил в Лазутине?! Ты не смотри на него, что он такой валенок, он еще тот фрукт – из дыры три дыры. – Марьяна уничижительно фыркнула и замолчала. – Ну садись к столу, коль пришел. С чем пожаловал?

Она налила ему чашку чая, пододвинула блюдце с наколотым сахаром, и тот начал важно и степенно прихлебывать горячий напиток.

– Вот ведь, гадина, какая важность! Набивает цену себе – ты поглянь на него!

Влад с интересом наблюдал за пикировкой Марьяны и Селифана. Видно было, что они давным-давно знают друг друга как облупленные, и такие «разборки» им не впервой, и стали уже как бы необходимым ритуалом их встреч. Староста был умным мужиком – как давно еще отрекомендовала Марьяна, и он уверенно вел деревню Карауловку через годы, успешно справляясь с недородами и гневом власть имущих.

Староста допил чашку, внимательно осмотрел Марьяну:

– Да ты никак помолодела, мать ты наша... И не признать-то! – Он внимательно посмотрел на Влада: – Вы поспособствовали, что ли, господин лекарь? Ну, молчу-молчу, не мое дело. В общем, привез я вам семь девок на выбор. Не обессудьте – какие были, таких и привез. Сколько надо, столько и отберите. Остальных назад увезу. Я примерно понял, что они будут делать. – Староста хитро покосился на уткнувшегося в чашку Влада. – А че, дело молодое. Я сам бы...

– Ты сам бы... – перебила Марьяна. – Небось половину девок перепортил в деревне, старый кобель.

– Хе-хе, ну не такой уж и старый, – разгладил усы староста и довольно ухмыльнулся. – Да что мы все обо мне да обо мне. О деле давай. Я шас пойду к стражникам, еще чайку хлебну, а они тогда будут по одной заходить, и вы с ними тут беседуйте, сколько душевнее угодно. Как закончите – кликните меня. – Он нахлобучил на голову треух, вышел из избы и зычно выкрикнул: – Девки, по одной – заходи!

Девки толпились у крылечка, топая ногами на морозце и от чего-то хихикая. Потом одна решилась и робко постучала в дверь, дождалась ответа и несмело зашла.

– Ну, проходи... чего у порога-то топчешься. Как звать?

– Маша...

– Сколько лет?

– Семнадцать.

– Так, Марьян. Я что, педофил, что ли? Вы чего мне тут несовершеннолетних подсовываете? Она же дите дитем!

– А что такое медофил? Тот, кто меда много лопает, что ли? У нас совершеннолетие девушек наступает в пятнадцать лет, тогда их и замуж выдают. Я тебя заверяю, что в пятнадцать лет наши девушки давно готовы рожать, что и делают много и с большим удовольствием! Если в твоём мире у девок задержка в развитии, так это не означает, что и у нас такие же. Только вот что-то подозрительное. Девка вроде симпатичная, немного худовата, на деревенский вкус, а не замужем, хотя уже должна быть... Точно что-то нечисто. Этот хитрый боров какой-то залежалый товар спихивает! Так, девка, ну-ка раздевайся!

– Как раздеваться? – Девушка покраснела до ушей и замерла, теребя конец шали в руках...

– Как, как? Ну чего придуриваешься? Совсем раздевайся, снимай с себя все. Да не стесняйся, мы всяких видали – мы же все-таки лекари. Влад, прикрой, пожалуйста, дверь на засов, чтобы не рвался никто.

Влад прикрыл дверь на засов, сел опять на место у окошка и налил себе чашку чая. Ему было ужасно неловко, но Марьяна явно наслаждалась смотрами, и смущение Влада ее еще

больше радовало и веселило. Она разглядывала девушку как какой-то товар, предложенный хитрым купцом, и комментировала все, что видела, с особым смаком и цинизмом:

– Тек-с, как ты говоришь? Ага, сиськи дохленькие, как у козы торчат. Голова вроде правильная, не плоская, как блин. Снимай, снимай все, чего зажалась-то! Не сглазим мы... Стой спокойно! А-а-а, вот сучонок старый! Глянь на ногу. Машка, что с ногой-то?

– Я еще ма-аненькой под телегу попала, вот и срослось плохо... усохла нога.

– А какого хрена эти ублюдки ко мне тебя не отнесли?

– Не знаю, госпожа лекарша... вот так и живу.

– С мужиком была уже?

– Нет... Какой там мужик, с моей ногой-то... – Девчонка издала всхлипывающий звук, и из ее глаз посыпались частые слезы. – Не беру-у-ут... – Она зарыдала, закрыв лицо ладонями.

– Так, хватит нюнить. Опустит руки, повернись вокруг себя, покрутись, походи туда-сюда. Ну, вроде, кроме ноги, у нее нет ничего больше. Похоже, остальные такие же ущербные. Будем смотреть или сразу старосту пошлем? Одевайся, девка. Давай по-быстрому следующую.

– Марьян, по большому счету нам ведь все равно, как они сейчас выглядят, мы что, не лекари? Главное, чтобы не дура была и преданная, работать тоже умела по дому – а там придумаем что-нибудь, согласна?

– Хм, да согласна... Ну давай еще посмотрим, всех посмотрим, должна же я отыграться за чертенка, цирюльник хренов.

Девушка быстро оделась и вышла, всхлиывая на ходу. Марьяна вслед ей сказала, что о решении сообщит. Следующее собеседование было практически аналогом предыдущего, за тем исключением, что теперь была не сломанная нога, а кривая шея, да еще горб в придачу. Марьяна долго кляла Селифана.

Эта девушка тоже понравилась Владу. Предыдущая девушка была хороша своей невинностью, свежестью, а эта спокойствием, решимостью выжить несмотря ни на что. Как и предыдущая девушка, эта, с ее слов, была девственницей, не востребованной никем из парней. На каждую девушку ушло минут по пятнадцать, в зависимости от их способности одеваться и раздеваться.

У Влада уже стало рябить в глазах от мелькания многочисленных платков, нижних юбок и телес, он был готов на что угодно, лишь бы только эти смотрины закончились и он смог бы нормально вздохнуть. Ему хотелось поскорее поэкспериментировать с захваченными у бандитов мечами и, если хватит светлого времени, потренироваться с Семеном.

Впрочем, а почему только в светлое время? Он что, светляк создать над площадкой не может? А это выход! Вообще, по-хорошему, надо развешать светляки по всему периметру территории клиники, как прожектора. Классно придумал!

Он размечтался и пропустил мимо ушей последний возглас Марьяны:

– Влад, ты что там, уснул, что ли?! Я тебя спрашиваю, ты видишь, кого прислал староста? – Влад присмотрелся и увидел, что последняя крупная крепкая девушка покрыта сыпью, какими-то красными блестящими прыщами. «Мать моя женщина!!! Да у нее классический сифилис!»

– Марьян, – глухо спросил он, – как у вас называется эта гадость? У нас – сифилис. И это шибко заразно. И мы еще эту пакость в дом притащили. Впору выжигать тут все огнем.

– У нас это называется островная болезнь. Говорят, с островов ее занесли. Она лечится, но только очень сильными лекарями-магиками. Пока болезнь обнаружат, бывает уже столько органов поражено, что обычный лекарь не справляется. Я этого старосту придушу! Девка, ты где сразу подцепила, давай как на духу!

Здоровенная угрюмая девка, мечта каждого крестьянина, как подумал Влад, потупилась и нехотя ответила:

– От торговца одного, он весной приезжал в деревню. Ну и соблазнил меня. Я только летом поняла, что болею...

– А ты спала после этого еще с кем-нибудь?

– Спала... с торговцами спала.

– А из деревни спала с кем-то?

– Нет. Из деревни ни с кем не спала. Они бедные, зачем они нужны. А торговцы всегда чего-то дарили...

– Марьян, нам только сифилисной шлюхи не хватало. Ее лечить надо, а то она завтра решит, что деревенские тоже могут ей чего-нибудь подарить, а мы потом будем отдуваться – лечить прогнившие носы и нарывы. Тьфу! Аж с души воротит.

– Согласна. Сейчас я к старосте схожу, предупрежу его. Да не надо... погодь ты. Слушай, как там тебя... Карна, что ли? У вас в семье еще кто-то больной есть? Ну такой болезнью, как у тебя? Отец, мать?

– Отец два года назад утонул... А мать не болеет, она ничо не знает.

– И то хорошо... ладно. Сейчас сделаем так: ложись на спину на пол и закрой глаза. Подстели свое барахло и ложись.

Девушка разложила юбки, тулуп, шали и улеглась на спину, глядя в потолок. Влад подошел к ней и вытянул руки, входя в транс. Все тело девицы светилось багрово-черным пламенем. Очаги заражения по всему организму. Бледная спирохета совершала победное шествие по телу девушки. Влад вышел из транса и задумался. Его феноменальная память моментально подсказала ему все, что он мог вспомнить о сифилисе.

Особенно заинтересовал его один отрывок из статьи: «Создается впечатление, что боги некоторых народов рассматривали распространение венерических заболеваний среди людей как весьма действенное педагогическое средство. Наказывали им порой и своих. Так, чрезмерно увлекавшийся прелестями земных женщин индуистский бог Шива был наказан за свою любвеобильность своими же коллегами по пантеону. Его половые органы были уничтожены небесным огнем, который стал затем передаваться от женщин к мужчинам. Возможно, что и в этом случае речь идет о сифилисе. Любопытно, что лечить это заболевание, описанное в священных Ведах, предлагалось все теми же растворами сулемы, киновари и каломели – то есть ртутными препаратами».

Так что эта девица находилась в лестной компании: вместе с богом Шивой, а также, по непроверенной информации, с Христофором Колумбом, который тоже помер от этой болезни. Правда, географических открытий или создания религии от девушки, раздвигающей ляжки перед каждым заезжим корабейником, ожидать не стоило.

Влад еще подумал и решил, что радикальнее всего будет на полную катушку запустить процесс, при котором организм начнет максимально сопротивляться болезни. Если поднять температуру тела – это ничего не даст при кратковременном ее поднятии, а чтобы трепонема погибла, надо минимум шесть часов держать температуру порядка сорока одного градуса. Все мозги свернутся. И заражение уже зашло слишком далеко.

Влад растерялся – такой сложный случай ему не попадался, и как лечить подобную болезнь без мощных антибиотиков, без уколов, он не знал. Впору сжечь эту тупую девку и забыть о ней, как о дурном сне. «Может, и правда сжечь?» – стукнула ему в голову предательская мысль. А что делать-то? Он подошел к столу и уселся на стул, уперев руки в колени.

– Марьяна, что делать-то будем? Как у вас лечат эту болезнь?

– Никак.

– Что значит – никак? Ну что у вас в школе лекарей рекомендовали делать, когда появлялась такая болезнь?

– Изолировать больного в отдельном помещении, то помещение, в котором он жил, сжечь. Сжечь его одежду, обувь. Тех, кто с ним жил вместе, поселить в отдельной хижине и не

давать общаться с остальными людьми десять седмиц. Больного умертвить, а тело его сжечь. Или предложить ему покончить с собой самому тем или иным способом. Я удовлетворила твою жажду познания?

– Еще как удовлетворила! Ни хрена себе... – Влад задумался. – Смотрины из фарса превратились в трагедию. Что делать? Человек все-таки, хоть тупая и блудливая, но все же... Кто без греха? Что же делать, что же делать?..

Тем временем Марьяна приоткрыла дверь и крикнула стоящим у крыльца девушкам, чтобы позвали старосту. Одна из них побежала, и через пять минут, прогибая половицы, староста ввалился в комнату. Марьяна молча подошла и врезала ему по широкой морде ладонью так, что он чуть не улетел в угол:

– Знал?

– Ну знал, и что? Мне куда ее было девать? У меня деревня на плечах сидит. Сейчас такой шум начнется! Мне зачем эти волнения? А вы все-таки лекари, мож, что-то придумаете... Вон вы какие умелые, безнадежных вылечиваете. Может, и тут справитесь? А нет, так у меня к вам претензий нет – спалите ее колдовским огнем, и все. Она даже и не почувствует. Думаешь, мне сладко сейчас?

Влад неожиданно для себя поддержал Селифана:

– Марьян, он прав. Чего ему оставалось делать-то? Я его понимаю...

– А я не понимаю! – яростно закричала Марьяна, перекосившись от злости. – Ну пер бы ее в Лазутин, чего к нам-то ее притащил!

– А я знаю чего. Сейчас узнают в городе – Карауловку половину выжгут, а половину в землянки на карантин посадят, пока они там сами не передохнут. А мы, он надеется, молчать будем! Потому что и нас зацепят, если кто узнает!

На печи вдруг раздался шорох, с нее свесился сынишка купца и жадно уставился на голую девушку.

– Ну-ка назад! И сидеть, как мышь, там! А то сейчас так врежу, что никакой папаша с того света не вернет ни за какие деньги! Еще тебя не хватало! Вот тебе, Влад, и язык, который все на хрен разнесет по округе. Ой, мамочки, вот мы вляпались! Вот тебе и смотрины, вот тебе и веселье. – Марьяна устало уселась на табуретку, свесив на колени руки и теребя фартук.

– Да я никому не скажу, чего тут услышал, не беспокойтесь, костями лягу, а не скажу. Мы, Панфиловы, благодарные, и добро помним, а вы мне жизнь спасли. – Мальчишка уверенно выдал эту речь, и почему-то Влад сразу ему поверил.

– Так, ша все! – Он хлопнул обеими ладонями по полированному дереву обеденного стола и поднялся. – Будем лечить. Не получится – спалю прямо тут. Скажем, эксперименты проводили магические, вот и взорвалось все. Успокойтесь и отойдите от нее. Дверь закройте. Все. Замолчали все.

Влад медленно подошел к неподвижной девушке, вошел в состояние транса, протянув ладони над ней и стал сканировать тело. Органы были поражены – кости, легкие, сердце... Она прожила бы максимум год и умерла бы или от сердечного приступа, или от другого тяжелого поражения органов. Он стал напряженно думать: «Так, лекарств нет, никаких антибиотиков. Чтобы погибли трепанемы, нужна или большая температура, или большая концентрация антибиотиков. Но их нет! Попробовать задрать температуру? А что остается?»

Влад сосредоточился и начал медленно повышать температуру крови девушки, все выше, выше, выше... Ее тело покраснело, она тяжело дышала... кровь стала циркулировать все хуже и хуже... Такое впечатление, будто кровь практически остановилась.

Влад довел температуру до сорока трех градусов и остановился. Кровь бурлила, в ней происходили какие-то процессы... Три часа, три часа надо держать температуру. Влад застыл над лежащей девушкой как статуя и напряженно контролировал процесс. У девушки началась

аритмия сердца, он срочно подкачал Силы в ауру... сердце заработало ровнее, с трудом проталкивая загустевшую кровь через сосуды. Терпеть, терпеть, контролировать...

Если бы не усиленное тело – Влад давно бы свалился. Девушка на глазах худела, щеки ее ввалились – ресурсы организма уходили на поддержание температуры тела и восстановление крови.

– Влейте в нее воды – кровь густеет!

Марьяна схватила ковшик и стала вливать в горло больной струей жидкость. Девушка глотала автоматически, не приходя в сознание. Красное свечение угасало, лишь местами в костях оставались еще очаги болезни – туда кровь проходит в последнюю очередь. Шел третий час лечения... Влад с трудом удерживал жизнь в теле больной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.